

БЛОК И ИНДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Статья Г. М. Бонгард-Левина

Тема «Блок и Восток» не привлекала до сих пор внимания ни исследователей творчества поэта, ни специалистов по истории и культуре Азии. Объясняется это прежде всего необычностью самой тематики. Естественно, что у Блока, воспитанного в традициях русской и западноевропейской классики, основные интересы лежали вне сферы восточной культуры. Однако характеристика Блока как «западника», даваемая иногда еще его современниками¹, сужает творческий диапазон поэта. В последние годы появился ряд статей, посвященных античным сюжетам в его творчестве². Представить в полной мере «мир Блока» невозможно без учета также его интересов к Востоку. Постановка проблемы «Блок и культура Востока» не только оправданна, более того — давно назрела. Хорошо известно, что в своем творчестве Блок не раз обращался к восточным мотивам, сюжетам, историческим эпохам. Об интересе Блока к литературе, философии, религии, древней истории и искусству Востока свидетельствует подбор книг в библиотеке поэта и его многочисленные пометки на них (укажем, например, на работы Г. Винклера, И. Гунгера и Г. Ламера, Ф. Делича, сборник «Литература Востока», «Музей древней скульптуры»)³, в течение почти четырех лет Блок работал во «Всемирной литературе», где встречался и сотрудничал со многими крупными востоковедами — С. Ф. Ольденбургом, Н. Я. Марром, И. Ю. Крачковским, В. М. Алексеевым, Б. Я. Владимирцовым и др. Возглавляя Репертуарную секцию театрального отдела при Наркомпросе, он наряду с западным репертуаром обсуждал также пьесы драматургов Востока.

Вместе с тем закономерно рассмотрение и более частных вопросов, связанных с общей проблематикой — «Блок и культура Востока». Ограничение рамок статьи Индией определяется моей специальностью. Столь же естественны и такие темы, как «Блок и древнеегипетская культура», «Блок и вавилонская культура» и т. д.

Только с помощью востоковедов могут быть правильно интерпретированы некоторые записи поэта, по-новому «прочитаны» строки его стихов. Перед востоковедами стоит задача прокомментировать пометки Блока на сохранившихся книгах по Востоку в его библиотеке; востоковеды могут увидеть в архивах многое из того, мимо чего прошли литературоведы, не имеющие специального востоковедного образования.

Особое значение в творческой биографии Блока и прежде всего в расширении его востоковедных знаний имела встреча в мае 1917 г. с академиком Сергеем Федоровичем Ольденбургом — непрямым секретарем Академии наук, директором Азиатского музея, выдающимся индологом, крупнейшим специалистом по древнеиндийской словесности и религии. Однако интерес к Востоку, и в том числе к Индии, возник у Блока задолго до этого.

На формирование взглядов Блока немалое влияние оказала среда, в которой проходили его детство и юность. В доме ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова, где «любили и понимали слово» (VII, 12), собирались крупные ученые, писатели, общественные деятели, в том числе и знатоки Востока.

После окончания Петербургской гимназии А. Н. Бекетов поступил на факультет восточных языков, но затем переехал в Казань, учился в Казанском университете и специализировался по ботанике. Увлечение же Востоком А. Н. Бекетов сохранил: в 1856 г. он даже написал «китайскую повесть» «Чао Чинь»⁴. В архиве М. А. Бекетовой сохранился отрывок из статьи отца «Пикник в древней Индии» — свидетельство его интереса к древнеиндийской культуре (Андрей Николаевич упоминает о ведах, «Махабхарате», приводит ряд санскритских терминов)⁵. Внимание к Востоку объясняется и его дружбой с В. П. Васильевым⁶ (1818—1900) — одним из основателей русской синологии и буддологии. С 1855 г. по 1900 г. (до своей кончины) В. П. Васильев занимал кафедру китайской словесности на факультете восточных языков Петербургского университета, в течение многих лет был деканом факультета, в том числе в период ректорства А. Н. Бекетова⁷.

Жена А. Н. Бекетова, бабушка Блока, была, как известно, дочерью знаменитого путешественника и исследователя Средней Азии Г. С. Карелина, который еще в 1832 г. совершил научную экспедицию к берегам Каспийского моря. Экспедиция ставила своей целью обеспечить «путь... до Ворот Индии»⁸.

Один из близких друзей А. Н. Бекетова, крупнейший русский химик А. М. Бутлеров стремился поехать в научную командировку в Индию для изыскания возможности культивирования чая в субтропиках России. Лишь тяжелая болезнь помешала ученому осуществить свою мечту. А. М. Бутлеров был близок с И. П. Минаевым⁹ (1840—1890) — создателем русской индологической школы, одним из лучших в России знатоков санскрита, возглавлявшим кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков историко-филологического факультета Петербургского университета (позднее на этой кафедре занимался санскритом Блок; в его библиотеке была книга Минаева об индийских легендах¹⁰, у Минаева учился известный русский поэт Иннокентий Анненский). Тесно был связан с Востоком, в том числе с Индией, один из ближайших учеников А. Н. Бекетова Андрей Николаевич Краснов (наиболее известные азиатские экспедиции и его труды с описанием Индии, Цейлона, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, относятся к последним годам жизни деда Блока). Еще в 1886 г. от имени Русского географического общества А. Н. Краснов был командирован на Тянь-Шань для исследования флоры этого района, достиг Кульджи и Кашгарии. В 1892 г. он отправляется в научную экспедицию вокруг берегов Азии, посещает Японию, Сингапур, Яву, Цейлон, в 1895 г. — в кругосветное путешествие. Он побывал в Индии (Бомбее, Дели, Калькутте, Дарджилинге), Японии, Китае, на Цейлоне (основная цель экспедиции — изучение культуры чая, но Краснов интересовался также историей, этнографией, религиями Востока, посетил памятники старины)¹¹. «Азия, как известно, — колыбель религиозных и философских учений, возвышающих нравственность человечества, и Индия есть страна, где прежде и теперь учения эти наиболее волнуют умы», — писал он¹².

Не случайно в его книгах много описаний «святых мест», религиозно-философских учений Индии, древних городов; он приводит факты из ранней истории страны, касается древнеиндийской литературы. Интерес к гуманитарным наукам возник у А. Н. Краснова еще в гимназии, он увлекся трудами известного английского индолога Макса Мюллера.

Блок получил прекрасное образование в бекетовском доме, хорошо знал литературу, в том числе и тех писателей, которые в своем творчестве касались Востока, включая Индию и ее культуру¹³.

Особым вниманием пользовалась Индия в доме Д. И. Менделеева — будущего тестя поэта. В своих экономических работах он не раз обращался к статистическим материалам по Индии¹⁴. В библиотеке Дмитрия Ивановича сохранились статьи и книги по Индии, в том числе с его пометками¹⁵. Можно указать, например, на прозаический и стихотворный переводы книги Э. Арнольда о жизни Будды («Свет Азии»¹⁶ и «Светило Азии, или Великое отречение»¹⁷), которые подробно изучались Д. И. Менделеевым (эти книги он послал

в Индию своему сыну Владимиру); в библиотеке имеется с пометками великого химика и книга В. П. Васильева «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм» (СПб., 1873).

В архиве Менделеева хранятся письма его сына Владимира из Индии, который в 1890—1891 гг. совершил кругосветное путешествие на фрегате «Память Азова»¹⁸. Уже в первом индийском письме от 14/26 декабря 1890 г. Владимир писал отцу: «Вот мы и в Индии. Это выше всего, что можно себе представить по описаниям»¹⁹. Письма полны интереснейших этнографических, исторических и бытовых описаний Бомбея, Агры, Джайпура, Бенареса. Письма и фотографии из Индии посылались также и детям от второго брака (т. е. и Любови Дмитриевне²⁰). Менделеев был близко знаком с И. П. Минаевым. В 1884 г. Петербургский университет послал в Великобританию на празднование 300-летнего юбилея Эдинбургского университета делегацию, в которую входил Д. И. Менделеев и И. П. Минаев²¹. Блок не мог не чувствовать увлеченности Индией в доме Бекетовых и Менделеевых.

Значительно более глубокими стали индологические познания Блока в период его учения на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета (1901—1906 гг.). Здесь он изучал санскрит у известного лингвиста, члена-корреспондента АН (с 1897 г.) И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845—1929 гг.)²², а также у его ученика, крупного языковеда, блестящего фонетиста, литературоведа и музыковеда С. К. Булича (1859—1927 гг.)²³. После введения нового университетского устава в 1884 г. изучение индийской филологии велось как в рамках санскритско-персидского разряда факультета восточных языков, так и кафедры сравнительного языкознания историко-филологического факультета²⁴.

Блок изучал санскрит четыре семестра, начиная с третьего курса: занятия (два семестра по три часа в неделю) вел Булич. О многочисленных занятиях санскритом у Булича Блок сообщает в письме матери от 30 августа 1903 г.²⁵ На последнем (четвертом) курсе Блок занимался санскритом под руководством Бодуэна де Куртенэ (тоже по три часа в неделю, вместе с упражнениями по сравнительной грамматике). В письме матери от 3 сентября 1905 г. Блок писал о подготовке к экзамену по санскриту и сравнительной грамматике, который должен принимать Бодуэн²⁶. Судя по свидетельству соученика Блока А. А. Громова, занятия в весеннем семестре велись и на дому у профессора Бодуэна де Куртенэ²⁷.

В архиве Блока в Пушкинском доме хранится весьма интересное свидетельство о занятиях Блока санскритом, которое, к сожалению, прошло мимо внимания специалистов. На внутренней стороне обложки записной книжки № 9 (осень 1904 до половины октября) рукой Блока буквами деванагари написано (даем в транскрипции.—Г. Б.-Л.): «alākasaanadara balaoka» — и внизу приписка: «Неверно гласные выкинуть»²⁸. Поэт только начинал учить деванагари и, используя таблицу алфавита (видимо, по учебнику В. Ф. Миллера и Ф. И. Кнауэра), писал свое имя на санскрите. Однако вскоре поэт осознал свою ошибку (алфавит не слоговой, а фонетический), но не вполне: недостаточно было просто «выкинуть гласные», надо было еще использовать огласовки и лигатуры (сочетания согласных). Этот документ подтверждает свидетельство студенческого друга Блока А. А. Громова о том, что они учили «причудливые очертания девангари»²⁹.

Судя по отчетам Петербургского университета³⁰, С. К. Булич и Бодуэн де Куртенэ рекомендовали студентам руководство В. Ф. Миллера и Ф. И. Кнауэра³¹. Студенты славяно-русского отделения читали и разбирали тексты, приведенные в этом учебнике, прежде всего первые пять песен из эпического сказания «Наль и Дамаянти»³², а также из «Хитопадеша» и «Панчатантры»³³.

К. А. Кумпан удалось обнаружить в университетском фонде интереснейшие документы — ведомости выпускных экзаменов, которые сдавал Блок³⁴. Экзамен по санскриту включался в общий экзамен по сравнительному языкознанию³⁵. Блок, судя по протоколу, читал небольшой отрывок из «Сказания

о Нале» (I, 8), который был помещен в «Руководстве» В. Ф. Миллера и Ф. И. Кнауэра³⁶. Поэт, конечно, знал о русском переводе «Сказания», выполненном В. А. Жуковским³⁷, одним из любимейших поэтов Блока.

Когда Блок занимался санскритом, отечественная санскритология уже имела свою богатую историю, было опубликовано много индологических трудов, пособий по изучению языка, антологий, сборников текстов.

Петербургский университет и прежде всего факультет восточных языков были центром санскритологических исследований.

Конечно, программы изучения санскрита на факультете восточных языков и историко-филологическом факультете были различны, но вряд ли можно сомневаться, в высоком уровне подготовки студентов-филологов такими профессорами, как Бодуэн де Куртенэ и Булич. В течение многих лет на кафедре сравнительного языкознания историко-филологического факультета лекции и занятия по санскриту вел И. П. Минаев. После кончины своего учителя, известного санскритолога К. А. Коссовича (1883 г.) Минаев совмещал преподавание санскрита и на факультете восточных языков, и на историко-филологическом. Приглашая на факультет восточных языков Минаева для занятий санскритом, декан В. П. Васильев в докладной записке отмечал: «Санскритский язык представляет собой основу языкознания, но, хотя бы и для одной кафедры сравнительной грамматики, предположенной во всех университетах на филологическом факультете, его нужно изучать самостоятельно с его оригинальную и обширную литературу»³⁸. Традиции Минаева, несомненно, хранил Булич — автор статей о нем в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1896 г.), в библиографическом словаре профессоров и преподавателей Петербургского университета (1898 г.) и затем в новом энциклопедическом словаре (1915 г.).

В университете Блок познакомился с именами (а возможно, и работами) таких признанных корифеев мировой индологии, как Макс Мюллер и Т. Бенфей. Об этом он упоминает в своей рецензии (1905 г.) на книгу академика А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» (СПб., 1904)³⁹. Разбирая в рецензии идеи представителей «мифологической» школы и «школы заимствований», Блок упоминает о «солнечной теории» Макса Мюллера и «теории заимствований», которая впервые была выдвинута «в 50-х годах прошлого века геттингским санскритологом Бенфеем» (V, 569).

Блок касается также и работ И. Стасова — ревностно, но не критически воспринявшего теорию Бенфея и некоторых трудов А. Н. Веселовского, где бенфеевская теория была поставлена «на действительно научную почву» (V, 569). По словам Блока, Веселовский решительно отверг «мифологическую школу», но и к «теории заимствований» отнесся с осторожностью строгого ученика (V, 569). Судя по упоминанию в «указателе к научным трудам А. Н. Веселовского», поэт со многими из них, очевидно, был хорошо знаком. Подробно разбирая теорию Бенфея применительно прежде всего к русской литературе, Веселовский часто обращался к индийскому материалу — целый ряд его работ непосредственно посвящен индийским темам (в частности, он занимался реконструкцией древнеиндийского прототипа русских историй о Варлааме и Иосафе, буддийской основой этой легенды, разбирал свидетельства о походе Александра в Индию и рахманах, о нагомудрецах в средневековой литературе, касался такого интереснейшего сочинения, как «Сказание об Индийском царстве»). Некоторые работы Веселовского, содержащие «индийские материалы», рекомендовались студентам, в том числе на занятиях по русской словесности. Один из преподавателей Блока — профессор И. А. Шляпкин в своих лекциях для студентов третьего курса по славяно-русскому отделению подробно разбирал теорию Бенфея и взгляды по этой проблематике А. Н. Веселовского, ссылаясь на такой древнеиндийский памятник, как «Панчатантра»⁴⁰.

Блок прослушал у Шляпкина и общий курс, и курс по обзору источников русской литературы. На экзамене Блоку среди четырех вопросов был задан

вопрос о «Жуковском (по Веселовскому)» — видимо, в связи с его рецензией на книгу А. Н. Веселовского, и отдельно вопрос о мифологической теории⁴¹.

В изданной в 1913 г. работе И. А. Шляпкина «История русской словесности» (программа университетского курса с подробной библиографией) упоминается теория Макса Мюллера, по разделу — «Арийская мифология» приводится в качестве рекомендованных ряд трудов, связанных с индологической тематикой⁴², библиография по русской литературе XV—XVI вв. содержит работу И. П. Минаева «Старая Индия» (СПб., 1881).

Судя по записным книжкам, Блок еще в первые студенческие годы, интересуясь мифологией и историей религий, собирал по этой тематике специальную научную литературу; в списке приобретенных в 1901—1902 гг. книг он упоминает, в частности, о книге Г. Ольденберга «Будда. Его жизнь, учение и община»⁴³. С этой же книгой, очевидно, связана еще одна запись того времени: «Будда. Лалитавистар» (ЗК, 32). При изложении традиционной биографии Будды Ольденберг опирался на известное буддийское жизнеописание создателя учения — «Лалитавистару» — сочинение, созданное на рубеже н. э.

Труд известного немецкого индолога Г. Ольденберга впервые по-русски был опубликован в 1884 г. и сразу же приобрел популярность, затем он много раз в России переиздавался; имелась эта книга (1905 г. издания) в библиотеке Л. Н. Толстого, писатель ее высоко ценил, использовал в своих занятиях буддизмом, при подготовке второго издания «Круга чтения»; к ней обращались также К. Бальмонт, А. Белый, Н. Гумилев, М. Горький и многие другие известные писатели и поэты России.

Среди материалов, озаглавленных Блоком «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. 1898 и позднейшие университетские времена», имеются краткие выписки из раздела книги И. Шерра «Иллюстрированная всеобщая история литературы»⁴⁴, посвященного драме Востока. Наряду с Китаем, Японией и Египтом Блок делает некоторые выписки и заметки по драматическому искусству древней Индии⁴⁵. Этот интерес к восточной, и в частности к индийской, драме, был связан с серьезным увлечением Блока театром (специфика театра Востока занимала Блока и в более поздний период).

В первые годы XX в. мировоззрение Блока формировалось, как известно, под значительным влиянием поэзии Вл. Соловьева и его мифопоэтической философии. Поэт называл Соловьева среди «великих учителей» (VII, 29), гигантом, который вышел «на великую философскую борьбу» (VII, 23). Блок проштудировал его основные сочинения (в библиотеке поэта сохранилось Собрание сочинений в 9 томах), в которых немало внимания уделено индийской мифологии, религии и философии. Пометки, сделанные Блоком, позволяют очертить круг вопросов, связанных с духовной культурой Индии, которые особо интересовали поэта. Прежде всего это ведийская мифология⁴⁶, учение упанишад (в том числе концепция — *tat tvam asi*)⁴⁷, сущность буддизма⁴⁸ (понятие нирваны, место в нем человеческой личности и т. д.), специфика необуддизма (рецензия Соловьева на книгу Е. П. Блаватской «Ключ к теософии») ⁴⁹.

Письма А. Белого, посланные Блоку в 1903 г., не только отражают увлечение Белого теософией и говорят об его отношении к индийским религиозно-философским системам. Переписка позволяет наметить круг индологических тем, очевидно, привлекавших и внимание Блока в тот период.

Вот, например, строки из писем: 14 июля 1903 г.: «*Два преобладающих настроения — мистическое и скептическое* <...> *Скептицизм лежит камнем на дороге и объехать его нельзя* (Ваше письмо)... „Скептицизм“ — само это слово исчезает!.. Возьмите древнеиндусские прозрения вроде Веданты и Йоги, или позднейшие вроде Бхагават-Гиты⁵⁰ — там „уже“ нет наших камней преткновения»⁵¹. 3 февраля 1903 г.: «*Это же число (четыре. — Г. Б.-Л.) проходит и в древней Индии. Веды (древнейший памятник) состоят из 4-х книг. У Будды четыре истины — и четвертая — о Пути (?) — последняя близость к Нирване*»⁵².

В отличие от Белого Блок не питал особого интереса к теософии, хотя и был знаком с теософскими трудами.

Сведения о веданте, йоге, буддизме, «Бхагавадгите» были им, очевидно, заимствованы из трудов Вл. Соловьева и из работ его университетских учителей, рекомендательной литературы, которую он изучал. Но сводить лишь к этим источникам индологические познания Блока было бы неправильно. Не только упанишады, но и буддийская доктрина, система йоги, учение «Бхагавадгиты» привлекали внимание символистов. Весьма существенно, что в России того периода знания о древней Индии и ее культуре были весьма обширны, индийская литература, мифология, философия и религия пользовались большой популярностью. Еще в конце XIX в. В. Джонстон⁵³ познакомила русских читателей с упанишадами, ведантой, «Бхагавадгитой»⁵⁴. Очерки В. Джонстон были опубликованы в журнале «Вопросы философии и психологии» — журнале, известном Блоку (5, 587).

К упаништам, веданте и буддизму Блок вновь возвращается в начале 1910-х годов. Он записывает в своем дневнике 18 ноября 1911 г.: «И ночью, и днем читал великолепную книгу Дейссена» (VII, 93) (речь идет о книге П. П. Дейссена «Веданта и Платон в свете Кантовой философии») ⁵⁵. Этот труд — одна из первых книг, выпущенных издательством «Мусaget». Среди его организаторов был музыкальный критик Э. К. Метнер, с которым Блок поддерживал тогда добрые отношения. Они изучали Дейссена, проявляли интерес к культуре Востока, в том числе к Индии ⁵⁶. Можно предполагать, что книгу Блоку преподнес Э. К. Метнер — с ним поэт будет снова обсуждать учение упаништад в начале 1913 г. (см. ниже).

В Библиотеке Блока сохранилась изданная «Мусagetом» в 1910 г. книга А. Белого «Символизм» (с автографом автора). Судя по карандашным пометам, Блок ее внимательно изучал ⁵⁷, — прежде всего статью «Эмблематика смысла», где говорится о параллелях между символизмом и идеями индийских мудрецов. В этой книге А. Белый дает высокую оценку трудам П. Дейссена, подчеркивает его умение воссоздать дух философии Востока и Индии, в частности, Белый ссылается на немецкого философа при изложении учения упаништад и веданты.

Сильное впечатление, произведенное на Блока книгой П. Дейссена, в которой проводилась мысль о том, что веданта и учение Платона являлись двумя вершинами, «до которых поднялась в древние времена философия» ⁵⁸, было связано не только с интересом Блока к Канту — с его трудами он был хорошо знаком еще в студенческие годы и нередко остро критиковал (VII, 357).

Идеи П. Дейссена обострили интерес Блока к «индийской тематике», поставили перед ним новые вопросы, связанные с проблемой взаимоотношения религиозно-философских традиций Запада и Востока ⁵⁹, но в характерном для Блока видении — через призму собственной, русской культуры и общественной обстановки в стране. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи конца 1911 г. и начала 1913 г.

22 декабря 1911 г. Блок записывает в дневнике: «Tat twam asi — Пяста [все это — ты (я)], Вячеслава Иванова (ты еси)» ⁶⁰. О «ступенях посвящения» (VII, 104). Приводимое здесь известное изречение из упаништад, идея «о ступенях посвящения», было темой дискуссий с Пястом и Вяч. Ивановым, который изучал санскрит в Женеве ⁶¹ у выдающегося лингвиста Ф. де Соссюра и специально, как отмечалось, интересовался религиозно-философскими концепциями упаништад ⁶². Судя по дневнику и переписке Блока, именно в этот период его взаимоотношения с Вл. Пястом стали особенно тесными, хотя вскоре многие идеи Пяста стали вызывать у Блока острые несогласия ⁶³. Идеи Пяста о необходимости найти «бога в себе», «выявить свою сущность» ⁶⁴ соприкасались с упаништадским «tat tvam asi» — вспомним запись Блока от 22 декабря 1911 г. (VII, 104). Эта установка упаништад стала предметом споров, очевидно, после издания книги Дейссена.

Судя по дневникам поэта, споры велись и с Д. С. Мережковским, автором стихотворений «Нирвана», «Будда» и «Орваси» («Урваши» Калидасы) ⁶⁵.

Взгляды Блока и Мережковских уже в то время все более расходились, а затем стали противоположными⁶⁶. 23 декабря 1911 г. Блок записал в дневнике: «Мережковский сегодня: вся „Индия“ — нирвана (дохристианская) — ужас, небытие. Не было Имени» (VII, 106). Блок и раньше знал «Нирвану» С. Д. Мережковского (впервые опубликована в 1896 г.⁶⁷), но тема нирваны и Индии возникла снова в один из дней: «я пробыл у Мережковских от четырех до восьми» (VII, 105), когда обсуждались многие проблемы, шли долгие споры, в том числе о христианстве, путях развития России и т. д. (VII, 474—475). Под «сегодня» (ср. далее «Итак — сегодня...», VII, 106) имеется в виду не только конкретная встреча в декабре 1911 г., но и позиция Мережковского в тот период («сегодня», т. е. в настоящее время)⁶⁸. Судя по записи Блока, нирвана понималась Мережковским как «ужас», именно потому что это — явление дохристианское, когда еще «не было Имени» (Христа)⁶⁹. «Индия» — здесь больше, чем географическое название; это слово, взятое в кавычки, включает целый комплекс идей, связанных с пониманием Востока, взаимоотношением христианства и не христианства, в том числе и восточных религий.

Спор с Мережковским — это, говоря словами Блока, «полное разногласие в чувствах России, востока, Ключева, святости...». Мережковский упрекал Блока в «отсутствии общественности» (VII, 106), в то время как его идеи «религиозной общественности» были поэту чужды. Блока угнетали «бесконечные схоластические прения о Христе и антихристе в доме Мережковских и на собраниях «Религиозно-философского общества»⁷⁰. Тогда же в творчестве Мережковских четко наметились неприемлемые для Блока «западничество» и пессимизм в отношении будущего России⁷¹. В письмах А. Белого к Блоку при обсуждении общих вопросов идейной позиции, отношении к теософии, трудам Р. Штейнера затрагиваются и идейные темы. И это естественно. В этот период Белый продолжал, как, впрочем, и многие другие символисты, увлекаться теософией, идеями Блаватской⁷². Но в 1910—1912 гг. намечается новый этап в его идейной позиции. Он знакомится со взглядами Р. Штейнера — создателя новой теософии — так называемой антропософии и становится его верным последователем⁷³. Очень показательно письмо Белого Блоку, посланное из Брюсселя в мае 1912 г., уже после личной встречи Белого со Штейнером в Кельне. Вот некоторые строки из этого обширного послания⁷⁴: «Милый, бесконечно дорогой друг! Давно уже мысленно говорю я с Тобой. Оттого-то я не писал. Не хотелось писать наскоро, путать внутреннее со слепым и случайным... Пусть письмо это останется между нами: Тогда опишу тебе нашу брюссельскую эпопею — развязка которой произошла в Кельне... Скажу тебе о Рудольфе Штейнере... ибо Штейнер — герой эпопеи нашей. Если взять список книг, выпускаемых теософическим обществом, где наряду с перлами вроде „Свет на пути“⁷⁵, „Багавад-Гитой“⁷⁶, популярными, иногда интересными, но невысокого полета книжечками Бизант⁷⁷ и Ледбитера⁷⁸, ученым-филологом теософов Мидом⁷⁹ и пр., попадают и книжки Р. Штейнера (на русском языке имеются „Путь к посвящению“⁸⁰ и „Феософия“⁸¹ — обе не интересные для нас с тобой)... Я узнал, что Штейнер стал во главе теософского движения, реформирующего самое теософское движение; он-де переводит индуизм и браманизм⁸² официальной теософии на новый язык... С 1909 г., когда я узнал, как близко проходит линия Штейнера от всего того, что стало для меня „Светом на пути“, я повернулся к нему с глубоким благоговением... Говоря о теософии вообще, следует помнить, что теперь есть две различные теософии: теософия Блаватской и Бизант, передающей мудрость богов; и теософия Штейнера, передающая мудрость *иных*... Обе теософии *пока* самым внешним образом для внешних сплетаются... Пишу все это, чтобы Ты понял, что развязка (или, наоборот, завязка) со Штейнером кармически⁸³ для меня назрела давно...»

Блок не увлекался идеями Штейнера — более того, его взгляды вызывали резкое несогласие (VII, 209—210), но «исповеди» Белого, обращенные к Блоку, предполагают хорошее знакомство поэтов с теософскими и антропософскими

концепциями, которые во многом «питались» религиозно-философской традицией Индии.

Индийские темы продолжали привлекать внимание Блока и в начале 1913 г.; они являлись предметом спора при обсуждении с Э. Метнером различных проблем, в том числе и идей Р. Штейнера и отношения к ним Белого.

Вот, например, запись от 20 января о дискуссии с Э. Метнером: «„Секта“, искони (с перерывами), хранящая тайную подоснову культуры (Упанишад, Geheimlehre⁸⁴ — Ареоп, связанный с элевсинскими мистериями). Я возражаю, что этой подосновой люди не владеют и никогда не владели, не управляли» (VII, 210). Это был ответ Блока тем, кто считал недоступными пониманию концепции упанишад, которые были затем развиты в философии веданты.

Блок, как отмечалось, защищал свои взгляды, свое понимание индийских религиозных и религиозно-философских концепций через призму всегда волновавших его общественных проблем русской культуры и русской истории. В эти годы (1911—1913) он продолжал придерживаться идеи о резких различиях между Западом и Востоком и все явственнее осознавал особый (не западный и не восточный) путь развития России и русской культуры (наиболее ярко эта позиция отразилась в «Скифах»). Вот, например, заметки Блока по поводу взглядов В. Пяста, Вяч. Иванова, Д. С. Мережковского, Э. К. Метнера. 26 октября 1911 г. — «С Пястом о „политике“ — о „славянофильстве и западничестве“ — какой-то постоянно возникающий и невытанцовывающийся разговор...» (VII, 77); 14 ноября — «позевываем над желтой опасностью <...> Неудержимо и стремительно пурпуровая кровь арийцев становится желтой кровью» (VII, 89); 22 ноября — «я спорил с ними весь вечер; конечно, как всегда, о славянстве, „желтизне“, о религии» (VII, 96); 22 декабря (тогда же и обсуждение *tat twam asi*) — «Мое: с запада и с востока блаженство — там не пути, но разветвления наших путей... Слишком большие уклонения, извивы пути (всепонимание, вселюбовь) создают холодный ужас...» (VII, 104). Знаменательно, что в записи этого же дня — защита позиции, изложенной в цикле «На поле Куликовом» («...С Пястом говорили до 3-х часов... О „России“... Будто мы силимся навязать России то, что для нас стало прошлым и ненужным — это Куликово поле!») (VII, 104). В письмах Блока этого периода Вл. Пяст предстает как «западный человек», и именно разные позиции по проблеме «Россия и Запад» стали главной причиной их расхождений.

Ученик Булича — знаток индийской литературы и культуры, Блок не мог принять упрощенные толкования индийской философии, сведения всей Индии к нирване и таинству упанишад. Взгляды Блока были шире и глубже. Но вместе с тем в этот период индийская традиция воспринималась им еще как восточная вообще, резко отличная от русской, еще не проводился тот принципиально важный для Блока водораздел между индийским и восточноазиатским, который виден в более поздних сочинениях и записях поэта; несмотря на изучение санскрита в системе сравнительной индоевропеистики и трудов А. Н. Веселовского, исследовавшего «индийские сюжеты» в древнерусской литературе, Блок еще не пришел к осознанию особой близости индийской и русской культур, к некоей единой концепции «скифства» и «арийства». К этому Блок придет позднее, когда его взгляды о взаимоотношении Запада и Востока приобретут иной смысл, наполнятся новым содержанием. И случится это в значительной степени благодаря влиянию на него академика С. Ф. Ольденбурга. Но такой встречи в период дискуссий о нирване и упанишадах еще не было.

Судьба сложилась так, что еще в 80-х годах XIX в., когда А. Н. Бекетов был ректором Петербургского университета, его дочери Мария Андреевна и Екатерина Андреевна посещали кружок известной общественной деятельницы, преподавательницы и издательницы А. М. Калмыковой (1849—1926), где они встречались с братьями Сергеем и Федором Ольденбургами⁸⁵. Сергей был в то время студентом санскритско-персидского отделения факультета

восточных языков Петербургского университета, учился у И. П. Минаева; сестры Бекетовы были начинающими писательницами и переводчицами. Члены кружка увлекались Л. Н. Толстым, его идеями о широком распространении образования (в 1885 г. С. Ф. Ольденбург посетил Л. Н. Толстого в Ясной Поляне)⁸⁶. В кружок Калмыковой входил и А. Н. Краснов. Братья Ольденбурги уже в 1882 г. вступили в Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета, активное участие в деятельности которого принимали В. И. Вернадский, Ф. Ю. Левинсон-Лесинг, Александр Ульянов.

Особенно была дружна с братьями Ольденбургами Мария Андреевна Бекетова. Уже в 1900 г. С. Ф. Ольденбург был избран академиком, через четыре года стал Непременным секретарем Академии наук.

Имя С. Ф. Ольденбурга было широко известно в научных и литературных кругах Петербурга и России в целом. Лев Толстой ценил С. Ф. Ольденбурга как знатока буддизма; через Ольденбурга Л. Н. Сергиенко доставал Толстому буддийские сказки⁸⁷. Еще в 1898 г. Ольденбург стал (вместе с В. Г. Короленко) членом Комитета Литературного фонда, дружил со многими писателями и поэтами России.

Увлеченно занимавшаяся переводами и близкая литературным кругам Петербурга, Мария Андреевна должна была знать об С. Ф. Ольденбурге и, очевидно, рассказывала своему племяннику о деятельности и научных трудах друга своей молодости. О работах С. Ф. Ольденбурга Блок мог узнать в университете от своих учителей Бодуэна де Куртенэ и Булича, которые хорошо были знакомы с Сергеем Федоровичем и с почтением относились к нему.

В 1906 г. для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона С. К. Булич написал статью о С. Ф. Ольденбурге, в которой дал высокую оценку трудам русского ученого.

Выпускник историко-филологического факультета по славяно-русскому отделению, Блок, очевидно, мог быть знаком с работами Ольденбурга по русской и западноевропейской словесности, в частности по фольклору.

В 1914—1915 гг., готовя к изданию том стихотворений и поэм Ап. Григорьева и почти ежедневно посещая библиотеку Академии наук, Блок не мог, конечно, не знать о Непременном секретаре Академии, хотя С. Ф. Ольденбург в то время находился в Восточном Туркестане—он возглавлял русскую историко-археологическую экспедицию.

В Академии внимательно следили за блестящими открытиями русских ученых. Позднее, уже в июле 1917 г., в записной книжке Блок писал, что Ольденбург «два года назад перенес экспедиции более трудные, чем всякий фронт, с семью казаками и оказался выносливее всех» (ЗК, 378).

В 1916 г. Булич в статье об Ольденбурге упоминал об открытиях этой туркестанской экспедиции⁸⁸. Судя по записным книжкам, Блок поддерживал отношения с Буличем и после учебы в университете (ЗК, 245).

Вряд ли можно считать случайным, что именно книгу об Ап. Григорьеве, вышедшую в свет в 1916 г. Блок подарил Ольденбургу⁸⁹.

В 1915 г. Блок и Ольденбург печатались в одном и том же журнале «Русская мысль».

Эти «заочные встречи» во многом определили характер отношений Ольденбурга и Блока, их содружество последних четырех лет, вплоть до кончины поэта.

Понятно, что вначале взаимоотношения поэта и ученого, людей разных по возрасту, политическим взглядам и общественному положению, были непростые, их позиции во многом несхожие, иногда противоположные. Поэт, охваченный «вихревым движением», такого таланта и вдохновения, что «плечи сутулые гнулись от крыл» (М. Цветаева),—и представитель старой академической школы, к которой Блок относился с явным предубеждением. «Противно профессорье»,—писал он еще в 1912 г. (VII, 131). По свидетельству Е. Книпович, «профессор» для Блока—отрицательное понятие,

близкое, пожалуй, к понятию «кадет». У поэта вызывало чувство досады существование разрыва «между огромным объемом знаний и академической косностью или даже тупостью в восприятии искусства»⁹⁰. Ольденбург был, как известно, не только профессором, но и представлял кадетскую партию в Чрезвычайной комиссии, где они впервые и встретились⁹¹.

Вот некоторые из записей Блока, относящиеся к первому периоду его встреч с Ольденбургом. 19 мая 1917 г.: «Разговор с Ольденбургом (все диаметрально противоположно <...>)» (ЗК, 333); 12 июля 1917: «Вчера мне пришлось высказать Ольденбургу, что, в сущности, национализм, даже кадетизм — мое по крови и что стыдно любить „свое“» (VII, 279); 17 июля 1917: «Ольденбург — кадет и из военной семьи» (ЗК, 378); а за день до этого — «Я уже не могу бунтовать против кадет... Это временно, надеюсь... мне стыдно было бы быть с ними» (VII, 284).

Споры продолжались и после того, как между Блоком и Ольденбургом установились более тесные, доверительные отношения. Показательны записанные Блоком в дневнике от 5 января 1918 г. возражения С. Ф. Ольденбургу по вопросам культуры и отношения к буржуазной интеллигенции (VII, 314—315).

Вот, например, воспоминания М. В. Бабенчикова о встрече Блока и Ольденбурга в июльские или августовские дни 1917 г. Блок рассказывал, что в разговоре с Ольденбургом он «упомянул, между прочим, что народ против духовной культуры, которая дается ему как подачка, а отсюда против значительной части прошлого. О<льденбург>, обычно такой мягкий, вдруг рассердился на меня». В письме к матери (12 июля 1917 г.) Блок писал, что Ольденбург «очень милый и простой человек, хотя и совсем другого склада» (VIII, 506).

Лето 1917 г. было для Блока периодом серьезных душевных переживаний, «под тягостным впечатлением внешних событий он часто бывал в удрученном состоянии»⁹², «хандрил, замыкался в себе, всячески избегал встреч с посторонними людьми»⁹³. «Одиночество», — записывает Блок в дневнике 19 июня (VII, 265); «нервы расстроены» (VII, 266); 24 июня — «Вдруг — несколько минут — почти сумасшествие (какая-то совесть, припадок, как было в конце 1913 г., но острее), почти невыносимо»⁹⁴ (VII, 268); 4 июля — «Неужели долго или никогда уже не вернуться к искусству?» (VII, 274).

В этих условиях встреча с Ольденбургом имела для Блока особое значение. Рядом был не только выдающийся ученый, но «очень милый и простой человек», каждая встреча с ним была запоминающейся. «На возвратном пути меня заговаривал С. Ф. Ольденбург. Бывают же такие дни» (запись в дневнике от 10 июля 1917 г.; VII, 278)⁹⁵.

То, что развешивало поэта и ученого, было значительно слабее того, что их связывало⁹⁶. Высокая гражданственность, вера в будущее России, стремление сохранить лучшее из духовных ценностей прошлого и вместе с тем — непримиримость ко всему омертвевшему, отжившему, сдерживающему прогресс и развитие; вызревание четкой политической позиции — «в крылатый и грозный час истории» (VI, 26). И, конечно, двух этих людей связывала общность многих творческих интересов и исканий — литература, переводческая деятельность, фольклор, искусство, театр, стремление к развитию национальной культуры для блага будущего общества.

Ольденбург был последователем А. Н. Веселовского, много занимался русской народной сказкой, вместе с академиком А. А. Шахматовым наблюдал за печатанием «Сборника великорусских сказок». Вслед за Веселовским и А. Н. Пыпиным Ольденбург поставил одну из важнейших проблем русской фольклористики и литературоведения — о взаимоотношении устного предания и книжной письменности; он возглавлял Сказочную комиссию Географического общества, входил в Комиссию по реформе высших учебных заведений, редактировал журнал «Живая старина», в декабре 1916 г. был избран директором Азиатского музея.

Блок серьезно интересовался исследованиями С. Ф. Ольденбурга по русским народным сказкам. В его библиотеке сохранился оттиск из «Журнала министерства народного просвещения» за 1916 г. с рецензией Сергея Федоровича — «Собрание русских народных сказок в последнее время»⁹⁷. Эту работу, судя по многочисленным пометам, Блок детально изучал; сохранилась и надпись Блока: «С. Ф. О. — сторонник теории *индивид.* творчества»⁹⁸.

Можно полагать, что Ольденбург старался познакомить поэта с восточной культурой, поставить перед ним проблему культурного взаимоотношения Запада и Востока, решению которой ученый придавал исключительное значение. Ольденбург в течение всей своей творческой жизни последовательно отстаивал концепцию единства всемирно-исторического процесса; отмечая специфику Востока, он защищал тезис об общечеловеческих законах исторического развития. В 1915 г. в журнале «Русская мысль», где тогда печатался и Блок и рецензии на него, Ольденбург в статье, посвященной 80-му юбилею Г. Н. Потанина, с сожалением отмечал, что для западного человека долгие столетия Восток «был только страной сказочных чудес, чуждою, дикою и странною»⁹⁹, что о глубинных связях культур Востока и Запада знают пока немногие, хотя необходимо проникновение в мир Востока, как одного из составных звеньев общечеловеческой культуры. Ольденбург считал неотложной задачей исследование богатства «духовной жизни Востока, создавшего мировые религии, стройные философии, бессмертные памятники литературы и искусства»¹⁰⁰. Уже в первый период знакомства Блока и Ольденбурга восточная литература стала одной из тем их разговоров, обсуждений, споров. Именно Ольденбург во многом по-новому открыл перед Блоком духовный мир Востока, познакомил с шедеврами индийской литературы. Благодаря Ольденбургу поэт смог оценить величие Калидасы, о творчестве которого несомненно знал и раньше¹⁰¹. О важности для Блока встреч с Ольденбургом свидетельствуют записи в его дневнике и пометки на сохранившихся книгах по индийской тематике — большинство их было подарено Ольденбургом¹⁰².

Вот одна из наиболее интересных записей — 12 июля 1917 г. (накануне была работа в Зимнем дворце над стенографическими отчетами вместе с Ольденбургом и покупка книг): «Китайская книга о поэте написана Алексеевым, хорошо говорящим по-китайски. Вступление к драмам Калидасы — восточная поэзия вообще требует творчества читателя гораздо больше, чем западная (Ольденбург), она как бы требует усилия от желающего насладиться ею» (VII, 279). Итак, речь идет о двух книгах по восточной литературе, написанных востоковедами, — книге В. М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун-Ту (837—908. Перевод и исследование. С приложением китайских текстов». Пг., 1916) и вступительном очерке С. Ф. Ольденбурга к драмам Калидасы в переводе К. Д. Бальмонта (М., 1916). Блок в это время еще не был лично знаком с В. М. Алексеевым, и его замечание о хорошем знании Алексеевым китайского языка было основано либо на сообщении С. Ф. Ольденбурга¹⁰³, либо сложилось под впечатлением книги. Ознакомился Блок, очевидно, и с вводным очерком С. Ф. Ольденбурга к переводу драм Калидасы: он точно передает мысли ученого, почти текстуально. Смысл этой записи проясняется не только при знакомстве с пометами Блока на сохранившейся в его библиотеке книге с предисловием С. Ф. Ольденбурга¹⁰⁴, но и с надписью на полях страницы VIII — «Разговор с С. Ф. О. летом 1917 в 3. Дв.» Эта надпись «сопровождает» текст Ольденбурга, смысл которого передан в дневнике: «Это новое для нас, западных людей, и бесконечно старое для них, людей Востока, это — представление об истинно художественном произведении, восприятие которого требует творчества, как и его создание...»

На книге нет дарственной надписи и нельзя установить, была ли она подарена Блоку Ольденбургом, или он сам приобрел ее вместе с книгой

Алексеева. (Еще за год до выхода книги, при подготовке которой принимали участие К. Д. Бальмонт и академик С. Ф. Ольденбург, в том же издательстве Сабашниковых был отдельно опубликован русский перевод «Сакунталы», выполненный К. Д. Бальмонтом и высоко оцененный критикой). В декабре 1914 г. «Сакунтала» в переводе Бальмонта была поставлена А. Я. Таировым на сцене «Камерного театра». Эти события, конечно, не прошли мимо Блока¹⁰⁵.

Надпись Блока на книге с предисловием Ольденбурга — важное свидетельство того, что летом 1917 г., в период совместной работы в Чрезвычайной комиссии в Зимнем дворце, поэт и ученый обсуждали проблемы, связанные со спецификой восточной словесности и ее понимания человеком Запада. Тема этих разговоров вспомнилась Блоку, когда он изучал вводную статью Ольденбурга и драму Калидасы «Малявика и Агнимитра» (пометы Блока «доходят» лишь до с. 91, и это четко определяет рубеж его чтения). Почему Блок не «проработал» все драмы Калидасы и дочитал ли он книгу до конца — ответить на эти вопросы вряд ли возможно, но многие идеи, высказанные С. Ф. Ольденбургом во введении, были им особо выделены и помечены — NB, а то, что показалось самым существенным, записано в дневнике.

Что же в очерке С. Ф. Ольденбурга привлекло внимание Блока? Прежде всего тот раздел, основной смысл которого передан краткой записью в дневнике. Выше были приведены слова ученого, которые Блок считал особенно важными и которые Ольденбург рассматривал как необходимые, чтобы предпослать переводу драм Калидасы. Отчеркнул Блок и слова теоретика индийской поэтики Анандавардханы об истинном поэте, о безграничности силы и могуществе его воздействия (в переводе Ольденбурга): «В беспредельном мире поэзии поэт — Творец: как ему захочется, так все и обращается»; «Влюблен поэт — в поэме его весь мир полон прелести; замерли страсти в поэте, и все лишилось значения»; «Истинный поэт по своей воле в произведениях своих лишенное жизни представляет живым, живое представляет безжизненным, и нет им пределов, и всегда кажутся они еще никогда не сказанными: прелести милых и мысли в словах великих поэтов»¹⁰⁶ (вспомним, что много лет назад, читая книгу И. Шерра, Блок обратил внимание на существование в Индии «обширных теорий драматического искусства»).

Слова Ольденбурга были близки творческой натуре Блока, для которого «поэт — сын гармонии», который приводит в гармонию слова и звуки похищенные у стихии и приведенные в гармонию. «Звуки, внесенные в мир, сами начинают творить свое дело. „Слова поэта суть уже его дела“. Они проявляют неожиданное могущество: они испытывают человеческие сердца» (VI, 162). Блок специально выделил в статье Ольденбурга датировку жизни Калидасы — «к первой половине V в. по Р. Х.» — и сказания «о крайней глупости» поэта (к этой теме Блок вернется в своих дневниковых записях начала 1918 г.).

Внимание Блока привлекли также характеристика, данная С. Ф. Ольденбургом поэме Калидасы «Облако-вестник», замечание о «глубоком проникновении природой» индийского поэта, особая оценка драмы «Сакунтала» как «наиболее совершенной из драм Калидасы и из индийских драм вообще». Судя по пометам, Блок серьезно обдумывал и заключительную часть очерка, тем более что Ольденбург сравнивал Калидасу с любимым им Тютчевым и даже отдавал первому предпочтение.

«Ведь в этой поэзии и особенно в Калидасе, — писал Сергей Федорович, — мы находим ответ на вопрос, столь мучительно поставленный Тютчевым:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Вопрос, на который Тютчев сумел ответить только уничтожающими всякое человеческое общение словами:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои.

Индийская поэзия отнеслась глубже к этому жгучему вопросу, пережила его ярче и сильнее и дала ответ, символом которого был колокольный звон. Индийские поэты почувствовали, что, если только они сумеют заставить зазвучать призывный колокол красоты, отзвук его найдет себе путь в сердце тех, кто действительно хочет слышать»¹⁰⁷.

Против последнего абзаца Блок записал на полях — «София — другой разговор». Итак, критерий в предложенном Ольденбургом сопоставлении Калидасы и Тютчева для Блока — «мудрость» (София)¹⁰⁸. Если суть различия позиции двух поэтов, давших разные ответы о цели поэзии, в мудрости — тогда «другой разговор», тогда объяснимо их сопоставление Ольденбургом. Это и спор с ученым, и понимание его позиции, и изложение своих взглядов. Многие из аргументов, выраженных в замечаниях на страницах книги, остались, очевидно, Ольденбургу неизвестными, но сегодня мы с ними знакомимся и можем понять всю глубину блоковских переживаний и раздумий.

Проходит полгода, и Блок вновь возвращается к Калидасе. Но уже в совершенно иной обстановке и в связи с другими событиями — в январе 1918 г.

Конец 1917 — начало 1918 г. — время необыкновенного творческого подъема поэта: он завершает статью «Интеллигенция и революция», пишет «Двенадцать» и «Скифы». Работа над этими произведениями совпала с серьезными политическими событиями, одним из которых был срыв брестских переговоров. Запись в дневнике от 11 января 1918 г. — непосредственная реакция Блока на происходившие события и отражение той позиции, которая наиболее ярко запечатлена в «Скифах». Именно в эти дни поэт вновь возвращается к Калидасе, вспоминая некоторые сюжеты из вводного очерка Ольденбурга. Вот эта запись, исключительно интересная для понимания творческой биографии Блока тех напряженных дней: «„Результат“ брестских переговоров (т. е. никакого результата, по словам „Новой жизни“, которая на большевиков негодует). Никакого — хорошо-с.

Но позор 3¹/₂ лет („война“, „патриотизм“) надо смыть.

Тыч, тыч в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним.

Если вы хоть „демократическим миром“ не смоее позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток.

Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изглавщийся, — уже не ариец.

Мы варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ — будет единственно достойным человека (<...> Жизнь — правда (Правда). Оболганная., но она — Правда — и колет глаза...

...Жизнь не замажешь... Мы выполняем свою историческую миссию...: вскрыть Правду. Последние арийцы — мы.

Правда доступна только для дураков. Калидаса, чтобы стать собой, должен был научиться (легенда) из дурака стать умным. Это — испорченная, я думаю, легенда (какая-нибудь поздняя, книжная)...

...Европа (ее тема) — искусство и смерть. Россия — жизнь» (VII, 317—318).

«Скифы» еще не написаны, но основные идеи уже как бы созрели. Готовя собрание сочинений Блока, Р. В. Иванов-Разумник, который был очень близок с поэтом в это время, нашел в Блоке «поддержку, сочувствие,

единомыслие»¹⁰⁹ — эту дневниковую запись тематически непосредственно увязывал с будущими «Скифами»¹¹⁰. По убеждению Блока, историческая миссия России — вскрыть Правду, ибо сама жизнь — Правда. Для обоснования этой позиции и приводятся некоторые сказания о Калидасе. Их содержание было передано Ольденбургом в вступительном очерке, и на них, судя по пометам, поэт обратил особое внимание. Он даже подчеркнул слова о том, что большинство сказаний упоминает о «крайней глупости» Калидасы. Ольденбург, а вслед за ним Блок прекрасно понимали, что рассказы о «глупости» великого поэта имеют свой особый смысл: это не глупость в обычном, общепринятом смысле, она нужна рассказчикам, чтобы оттенить гений Калидасы; это та глупость, которая приносит счастье, успехи, огромные значения. Подтекст сказаний таков: о величии поэта следует судить не по «житейскому уму», а по масштабности личности. Для обывателя Калидаса может быть и казался глупцом. В действительности же эта была «глупость» Сократа, Галилея, Джордано Бруно, Сервантеса, Франсуа Вийона... Это была неискренность, чистота великого мудреца (ср. Σοφία). Вот почему она обернулась всемирной славой. Эта простая истина была понятна древним индийцам. Передал ее в своем очерке и Ольденбург. Понял смысл этой мудрости и Блок, хотя и назвал ее (и назвал справедливо) поздней, книжной легендой. Калидаса в чем-то — блоковский Бертран!

Калидаса помог поэту более отчетливо выразить свою позицию, «бодрую веру в будущее»; высокая Правда великого поэта древности — рядом с той Правдой, к которой страстно призывал Блок. Калидаса органически вписался в общую политическую позицию поэта. Конечно, это были дневниковые записи, записи для себя, и ассоциативность была особого рода — сугубо личная; воспоминание о Калидасе (в том числе в вступительном очерке Ольденбурга) — не литературный прием, а выражение внутреннего движения мысли. Но поэтому упоминание Калидасы в дневниковой записи и приобретает особую значимость. Оно важно для оценки отношения Блока не только к творчеству Калидасы, но и индийской словесности, и восточной культуры в целом.

Влиянием Ольденбурга и результатом обсуждения с ним творчества Калидасы объясняется, очевидно, и такой важный факт в творческой биографии поэта, как выбор им пьес для государственных театров. Возглавляя репертуарную секцию Театрального отдела при Наркомпросе, Блок составил перечень тридцати восьми пьес для постановки (автограф датируется 4 июня 1918)¹¹¹. Список начинается с «Сакунталы» (Калидасы), а лишь затем идет «Эдип-царь», «Антигона» Софокла, Аристофан (какая-нибудь комедия), Макбет, Гамлет...» (далее названия других пьес западного и русского классического репертуара). Этот документ, пролежавший в архиве более 45 лет, отражает общий взгляд Блока на развитие мировой драматургии. И показательно, что поэт, воспитанный в традициях античной и европейской классики, называвший себя поклонником эллинов, «Сакунталу» Калидасы ставит впереди «Царя Эдипа» и «Антигоны» Софокла. (Софоклом Блок начал увлекаться еще в гимназии, а затем переводил «Царя Эдипа» уже для экзамена на I курсе историко-филологического факультета.) Образ Эдипа — один из популярнейших в творчестве Блока — не раз встречается в его стихах, к Эдипу и загадке Сфинкса он обращается даже в «Скифах». Поэтому открывающий список Блока «Сакунтала» Калидасы — не столько часть составленного им перечня пьес или свидетельство знания конкретной драмы, с огромным успехом поставленной на русской сцене, но своего рода символ нового отношения поэта к индийской литературе и культуре Востока в целом. Архивные материалы говорят о том, что Блок обсуждал и другие произведения индийских писателей, в частности Р. Тагора в переводах Ю. Балтрушайтиса¹¹². Изменение его позиции в оценке западного и восточного театра нашло отражение в речи о девизе для театра.

Когда М. Ф. Андреева предложила театру взять девиз «Человек, победитель рока», Блок решительно выступил против такой упрощенной позиции. «Мне лично этот девиз не слишком по вкусу... он суживает репертуар (...) Театр Востока этим девизом от нас закрывается» (VI, 476—477).

Почти полтора десятилетия прошло со времени чтения юным Блоком книги И. Шерра и его заметок о драме Востока, и поэт возвращается, и возвращается не случайно, по-новому осмыслив историю мировой драматургии, к этой волновавшей его теме.

«Дневники» и «Записные книжки» поэта свидетельствуют о постоянном и творческом общении Блока и Ольденбурга, и не только в связи с работой над стенографическими отчетами Чрезвычайной следственной комиссии, но для обсуждения литературных и общественно-просветительских тем. Дискутируются и остро волновавшие Блока политические события тех напряженных дней, когда жизнь постоянно вносила коррективы во взгляды поэта, его идеи и убеждения, когда шла переоценка многого из происшедшего и происходившего¹¹³, и намечался разрыв с теми, кто еще недавно считался единомышленниками и даже друзьями (VII, 319). (О дневниковой записи от 5 января 1918 г. уже упоминалось: спор с С. Ф. Ольденбургом о культуре и исторической инерции, против которой выступал Блок.) 12 марта 1918 г. Блок записывает: «Письмо от С. Ф. Ольденбурга (о „Двенадцати“!)» (ЗК, 394). В архиве Блока сохранилось это письмо Ольденбурга с пометой поэта простым карандашом — «Получено» 12.III<27.II> 1918»¹¹⁴. Письмо вложено в официальный конверт, на котором написано: «Александр Блоку», а внизу напечатано: «От Непременного секретаря Академии наук академика Сергея Федоровича Ольденбурга». «Вчера случайно имел возможность прочитать Вашу поразительную поэму „Двенадцать“. Не могу нигде достать ее и потому обращаюсь к Вам с большой просьбой дать мне ее, если у Вас сохранился лишний экземпляр. По праву читающего, сотворца пишущему, я ее понял по-своему, и, по-видимому, как мне говорят, не так, как Вы. Мне было бы очень жаль, если бы мое понимание, вернее чувствование и переживание, было бы другое, чем у автора, но это не остановило бы меня. Только ничтожное может понять единообразно, а где даже только две грани, уже, по крайней мере, два понимания. А то, что создали Вы, так удивительно, так дивно прекрасно, что мой глаз не может перечислить этих граней, которые блещут, сверкают, так их много. Чувством чувствую, что *Вы писали* не то, что написано, но, кажется мне, *прочесть* Вы сможете то, что написано в том, что писали Вы». Получив такое письмо от старшего друга, Блок пометил этот факт в записной книжке восклицательным знаком.

После первого появления поэмы в газете автор вносит в текст некоторые исправления¹¹⁵, и когда она вновь выходит в журнале «Наш путь» (апрель 1918 г.), то Блок, очевидно, отправляет ее Ольденбургу, хотя еще до выхода второго издания они при личной встрече обсуждают «Двенадцать» (запись от 21.III: «У П. Тагера»¹¹⁶ (С. Ф. Ольденбург и я и М. П. Неведомский)¹¹⁷. Все статьи и два экземпляра „Двенадцати“. Об окончании статьи¹¹⁸. ...План моих работ. О деле — три минуты, остальное — разговоры, споры. С. Ф. Ольденбург о „Двенадцати“» (ЗК, 396). Можно полагать, что именно тогда Блок вручил экземпляр поэмы Ольденбургу. 26 марта, когда Блок, судя по «Записным книжкам» был в Академии наук (ЗК, 397), он получил в дар от Ольденбурга специальную работу по буддийской иконографии¹¹⁹ (с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому и дорогому Александру Александровичу Блоку от его искреннего почитателя и читателя. Серг. Ольденбург. 26/13.III.918»), а возможно, и некоторые другие его работы¹²⁰. Надпись на форзаце статьи, подаренной поэту весной 1918 г. Ольденбургом, ясно говорит об истинном характере их взаимоотношений в это время. 3 апреля датируется следующая запись Блока: «Из Академии наук — две стенограммы (передать мои книги С. Ф. Ольденбургу и четыре стенограммы для хранения в Академию наук)...»¹²¹ (ЗК, 398). Среди переданных в этот

день Блоком книг — «Стихотворения Аполлона Григорьева»¹²² с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Сергею Федоровичу Ольденбургу от преданного ему составителя. Апрель 1918. С. П. Б.» (наст. том, кн. 3, с. 110).

В архиве Блока хранится датированное 3 апреля 1918 г. письмо от С. А. Рыжковой¹²³ — заведовавшей тогда делопроизводством конференции АН. В письме упомянуто о стенограммах, посланных из Академии наук (см. запись Блока от 3 апреля): «Обаятельный Александр Александрович. Так чувствую и не хочу сказать ни „глубоко“, ни „многоуважаемый“. Правда, ни одного ложного звука не уловила в Вашем голосе, определенном как правда. Или то, что слышала от Вас и мои мысли, — шло без остановки в душу и кажется, если не есть правда. Вчера была С. Ф. (С. Ф. Ольденбургом. — Г. Б.-Л.) отвлечена экстренной работой по канцелярии <...> С. Ф. просит Вам сказать, что две пропадающие стенограммы он еще не нашел. Будьте здоровы. Ваша С. Рыжкова 3.IV.1918 г.»¹²⁴ Спустя 5 дней, 8 апреля, Блок вновь встречается с Ольденбургом в Академии наук, обсуждает с ним свою статью «Последние дни императорской власти» и получает от него некоторые замечания¹²⁵. После прочтения и глубоких раздумий над «Двенадцатью» Ольденбург послал Блоку этюд (или «стихотворение в прозе»)¹²⁶ под названием «Мертвые», которые Блок получил 12 апреля. В конверт, отправленный 11 апреля С. А. Рыжковой, вместе с «Мертвыми» вложено ее стихотворение «Погода», включающее отрывки из «Двенадцати» с критическими замечаниями С. А. Рыжковой (датированы 9 апреля 1918 г.). На конверте сверху рукой Блока красным карандашом написано: «Получено вместе с перепис. произв. С. Ф. Ольденбурга (IV. 1918)»¹²⁷. «Стихотворение в прозе» имеет посвящение: «Посвящается поэту Александру Блоку» — и открывается эпиграфом из стихотворения З. Гиппиус:

Живите, звуков сочетанья,
И повторяйтесь без конца,
Вы, сердца смертного созданья,
Сильнее своего Творца»¹²⁸.

Блоковские «Двенадцать» вызвали к себе пристальное внимание и многие поэты, писатели, деятели культуры отозвались на поэму своими стихами — ответами. Заслуживает внимания и интерпретация С. Ф. Ольденбурга¹²⁹. В записи от 16 апреля говорится, что Р. В. Иванов (Иванов-Разумник) был у Ольденбурга, «который не имеет ничего против печатания части моей статьи в „Нашем пути“, но отослал Р. В. к Муравьеву» (ЗК, 400)¹³⁰.

Запись от 28 мая 1918 г.: «С. А. Рыжкова. Я узнал от нее, что Ольденбург считает монголов не азиатами (по поводу „Скифов“)» (ЗК, 409) — вновь возвращает нас к главной теме — содружество Ольденбурга и Блока, но в связи со «Скифами».

История создания Блоком этого произведения подробно исследована в специальной литературе. Много интереснейших наблюдений было сделано Р. В. Ивановым-Разумником¹³¹, который был очень близок с Блоком в период работы над поэмой и являлся одним из организаторов сборников «Скифы»¹³².

В апреле 1918 г. Иванов-Разумник называл «Скифы» «бичующим поэтическим манифестом»¹³³ и подчеркивал идейную связь Блока и его «Скифов» с создателями двух скифских сборников, их политической позицией (первый сборник был подготовлен к концу 1916 г., но опубликован в середине 1917 г.). По воспоминанию Иванова-Разумника, он сразу же ознакомил Блока с вышедшим сборником. «Только случайным отсутствием Александра Александровича из Петербурга и спешностью печатания сборника объяснялось отсутствие имени Блока в „Скифах“»¹³⁴. С идейным влиянием кружка, готовившего сборники «Скифов», можно, очевидно, связывать и название блоковского

стихотворения. Напомним, что слово «Скифы» лишь однажды появляется в нем (и то после второй редакции¹³⁵), и с заглавной буквы¹³⁶ (имя собирательное?¹³⁷ или аналогия названию сборника или идейной группы, которая явилась также создателем и Вольной философской ассоциации?); кроме того, заглавие было написано 30 января¹³⁸.

К скифской группе тех дней примыкали не только Иванов-Разумник и Блок, но также Клюев, Белый, Есенин — участники скифских сборников. Выраженный в «Скифах» «скифский» максимализм, устремленность в будущее, непримиримая борьба с мещанством, вызов поднявшему руку на Россию Западу и старой Европе, гимн новой обновляющейся России — вот что делает «Скифы» Блока «вечными»¹³⁹, а не «древними», как «Скифы» Брюсова¹⁴⁰, напечатанные в первом выпуске сборника «Скифы».

В посвященной «Двенадцати» и «Скифам» статье Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре» (написана в начале апреля 1918 г., опубликована 14 апреля и была обсуждена с Блоком и одобрена им)¹⁴¹ подчеркнута исключительная масштабность «Скифов», связь этого стихотворения с лучшими традициями русской литературы и идеями Вл. Соловьева¹⁴². «Скифы, — писал Иванов-Разумник, — с новой силой ставят старый, вечный вопрос — о Востоке и Западе, о России и Европе»¹⁴³. Вот некоторые записи тех дней, когда создавались «Скифы»: 27 января — «Двенадцать», 28 января — «Двенадцать», 29 января — «Азия и Европа»¹⁴⁴ ... *Война прекращена, мир не подписан*; 30 января — «Стихотворение „Скифы“» (ЗК, 387); 17 февраля — «„Двенадцать“ — отделка, интервалы. — Переписать главы „Возмездия“ и „Скифов“» (ЗК, 388); 18 февраля — «„Скифы“ в „Знамя труда“» (ЗК, 388). Эти записи, как и заметки предшествующих дней (особенно за 11 января), намечают основной пафос создания «Скифов», теснейшим образом связанных с «Двенадцатью», — война, опасность и начало интервенции (с Запада и Востока), оценка роли России в судьбах нового мира, всегда волновавшая Блока проблема Запада, Востока, России («Азия и Европа»)¹⁴⁵.

Видя в «Скифах» программу действий, Блок, по воспоминанию Иванова-Разумника, «торопил... с их печатанием... — „а то поздно будет“: ожидали наступления германцев и занятие ими Петербурга»¹⁴⁶. 4 марта в дневнике появляются записи: «Китай и Япония (будто бы — по немецким и английским газетам) уже при дверях <...> У Европы — склероз, она не гибка и будет еще истеричничать» (VII, 329)¹⁴⁷.

В этой связи запись поэта «Азия и Европа» (или «Европа и Азия») можно рассматривать и как реакцию на военную опасность, грозившую и с Запада, и с Востока, и вместе с тем как отражение проблемы о взаимоотношении Запада и Востока, но в контексте прежде всего судеб России — Новой России.

Намеченная Ивановым-Разумником эстафета (от Пушкина к Блоку), показывая значимость блоковского произведения в истории русской литературы и правильно улавливая общий настрой «Скифов» — смысл «вечного скифства», в свете рассматриваемой нами темы нуждается, однако, в уточнении (в том числе и трактовке стихотворения). Следует иметь в виду, что понятие «скиф» и задолго до Блока, и в его время «скрывало» в себе несколько значений. И это было не только обозначением конкретного племенного этнонима. Скифами называли себя те, кто хотел подчеркнуть особую патриархальность, «варварство» (а отсюда и азиатство), глубинную сопричастность российским древностям (часто именно российским в противоположность западному (условно, — эллинскому) типу, свое духовное здоровье и «жадность» в отличие от «постепеновства» старой Европы. Скифом называл себя Ап. Григорьев¹⁴⁸ и, с другой стороны, Герцен, для которого настоящий, истинный скиф — предвестник развала старого мира и торжества нового (такое «наполнение» образа «скифа» от Герцена заимствовал Иванов-Разумник)¹⁴⁹.

Тема скифов была популярна в русской поэзии конца XIX — начала XX в. — Бальмонт («Скифы», «Мы скифы»), Вяч. Иванов («Скиф пляшет», или

«Пляшущий скиф»), Брюсов («Древние скифы»), Ф. Сологуб («Скифские суровые дали»), В. Хлебников («Скифское»), М. Волошин («Киммерийские сумерки»), Н. Тихонов («Первые кочевники»). Конечно, в этих стихах и циклах прежде всего — образ смелого наездника, кочевника, виртуозного стрелка из лука, носителя древних обычаев. Этнографический и культурный интерес к скифам, их во многом таинственной истории был очень велик в России, особенно после сенсационных археологических открытий скифских памятников в Северном Причерноморье.

Ко времени Блока скифская проблема уже имела в русской науке длительную предысторию, ибо она непосредственно была связана с историей России, происхождением славян, отечественных древностей и т. д. Вопросы этногенеза скифов, их языка, связи со славянским населением, истолкование античных сообщений о скифах интересовали ученых уже с Петровской эпохи; этими темами, которые получали различную интерпретацию, занимались как узкие специалисты — археологи, антиковеды, языковеды, так и историки, как, например, В. Н. Татищев, И. Е. Забелин (он открыл Чертомлыцкий курган; на него ссылался Блок)¹⁵⁰, Д. И. Иловайский и др. Плодотворную разработку скифская проблема получила во второй половине XIX — начале XX в.¹⁵¹; особое значение имели труды известного историка, впоследствии академика А. С. Лаппо-Данилевского (1863—1919), и прежде всего его ранняя работа «Скифские древности» (1887)¹⁵², где на основе самых различных источников (античных авторов, данных лингвистики, археологии, этнографии) подробно разбирались проблемы происхождения скифов (в том числе об «арийском происхождении»), выдвигалось, в частности, предположение о связи «восточных скифов» с иранцами¹⁵³.

Труд Лаппо-Данилевского был высоко оценен его современниками и до сих пор во многом сохраняет свою научную ценность. Можно полагать, что еще в университетские годы Блок — студент славяно-русского отделения был знаком с работами Лаппо-Данилевского; судя по сохранившемуся экзаменационному протоколу, Лаппо-Данилевский был ассистентом при сдаче Блоком экзамена по логике у проф. А. И. Введенского (26 апреля 1902 г.)¹⁵⁴. Двумя годами раньше у проф. А. С. Лаппо-Данилевского слушал курс Р. В. Иванов-Разумник и участвовал в его «рефератных вечерах»¹⁵⁵. Лаппо-Данилевский пользовался большим авторитетом в научных кругах столицы, с ранней молодости с ним был хорошо знаком и дружен С. Ф. Ольденбург. Так, еще в 1897 г. он входил в кружок, который организовал в университете А. С. Лаппо-Данилевский для занятий теорией исторической науки; впоследствии они постоянно встречались в академии, Ольденбург глубоко интересовался трудами своего коллеги, ему принадлежит подробный разбор научной деятельности Лаппо-Данилевского¹⁵⁶. Среди крупных специалистов по скифам и связанных с этой проблематикой вопросов следует назвать имена Ф. Г. Мищенко (его имя упомянуто Блоком в связи с занятием в университете древней историей)¹⁵⁷, В. Ф. Миллера (Блок, как уже отмечалось, использовал одну из его статей, учил санскрит по его пособию, с Миллером поддерживал тесные творческие отношения и С. Ф. Ольденбург), Ф. А. Брауна (один из учителей Блока по западноевропейской литературе, затем декан факультета, вместе с Блоком они сотрудничали во «Всемирной литературе», Браун был близок и с Ольденбургом)¹⁵⁸. В своих ранних работах (особенно «Разыскания в области готто-славянских отношений»¹⁵⁹) Браун специальное внимание уделил скифской проблеме и отнес их к иранской группе арийских племен, пришедших с востока на берега Черного моря¹⁶⁰. Точку зрения об иранском происхождении скифов защищали также А. И. Соболевский (один из учителей Блока по университету, поэт слушал его лекции, сдавал экзамены, готовил рефераты)¹⁶¹ и М. И. Ростовцев — один из крупнейших историков-антиковедов и археолог, ряд его работ непосредственно посвящен скифам¹⁶². (Блок был лично знаком с Ростовцевым, встречался с ним и его семьей¹⁶³.) Скифской тематикой занимался и профессор, позднее академик С. А. Жебелев, у которо-

го учился Блок и которому он сдавал экзамены по истории Греции и греческому языку¹⁶⁴.

Конечно, многие проблемы скифологии получили за прошедшие шесть-семь десятилетий иную интерпретацию¹⁶⁵. Собран новый уникальный материал, но это ни в коей мере не умаляет крупных достижений отечественной науки конца XIX—начала XX в. в изучении скифов. Скифская тематика занимала не только узкие круги специалистов. Тесно связанная с древнейшей историей славян, таящая в себе много интереснейших загадок происхождения скифов и их искусства (особенно после раскопок скифских курганов), она привлекала к себе внимание различных слоев русского общества, включая писателей, поэтов, художников. Большим успехом у специалистов и любителей древности пользовалась переведенная на русский язык книга известного немецкого ученого О. Шрадера «Индоевропейцы» (1913)¹⁶⁶. В этом труде в общедоступной форме обосновывалась теория о прародине индоевропейцев в южнорусских степях. В предисловии к русскому изданию О. Шрадер писал: «Я думаю, что из недр славянства и при его участии древнейшая история культуры индоевропейских народов почерпнет немало драгоценных сведений»¹⁶⁷. Вопросы древнейшей истории славян ставились в единый ряд с проблемами происхождения скифов и прародины индоевропейцев.

Судя по свидетельству А. Белого, идеи О. Шрадера были весьма популярны в период подготовки Блоком «Скифов»; особенно среди представителей «скифской группы». 28 августа 1921 г. на открытии Вольной философской ассоциации, посвященной памяти Блока, Белый, рассказывая о создании «Скифов», говорил: «Шрадер в своих работах доказывает, что первейшее предарийское племя было расселено на юге России и что потом две ветви индоарийского племени расселились на Запад и на Восток. По теории Шрадера оказывается, что была исконная раса и что стволom, не стволom даже, а между-двух-ствольным маленьким завитком были Скифы, т. е. те первичные обитатели, которые сохранили что-то от исконного арийского, и несомненно, я уже говорю теперь символически,—есть какой-то образ Скифианина, который встречается у нас, у современных искателей; это был „скифский посвященный“, это был духовный Скиф. Но начало будет всегда концом. Россия искони была не Востоком, не Западом, она должна стать не Востоком, не Западом, в ней встреча Востока и Запада, в ней есть, в ее личных судьбах, символ судеб всего человечества. Вот эта всечеловечность и человечность, вот эта идеология—делает Александра Александровича, во-первых, Скифом, во всех смыслах слова, как максималиста, как того, кто доводит свой ход мысли—не в абстрактных схемах, но в жизненных переживаниях—до конца. Это особенно его связывает с судьбами русского народа, с судьбами народа, призванного примирить Восток и Запад, создать условия действительного братства народов»¹⁶⁸.

Слова А. Белого не только четкое отражение концепции Шрадера, но преломление его теории к «скифству» как идейному течению. Выстраивалась четкая последовательность—праиндоевропейцы (включая праарийцев), скифы—славяне. Блок, как и многие другие символисты, не мог пройти мимо этих тем. И более того, из «исторического скифа» вырастал «скиф духовный», и уже его образ связывался с судьбами России, и прежде всего с будущим Новой России.

Поэтому нельзя недооценивать значимость научных основ и блоковских «Скифов», и «скифства» как определенного литературного и идеологического течения. Обычное рассмотрение «Скифов» вне контекста научной скифологии в России суживает общую картину творческого пути поэта.

Острую политическую направленность «скифство» получило в 1916—1918 гг., и эта направленность (наряду, кстати, и с рядом других черт в «скифстве») нашла отражение и в «Скифах» Блока, и во введении к I сборнику «Скифы». После июля 1917 г. Блок и Иванов-Разумник теснейшим образом сотрудничали

в «скифской» группе, совместно работали в «Знамени труда» и «Нашем пути», в период подготовки «Скифов» постоянно общались и обсуждали различные проблемы¹⁶⁹. Еще задолго до написания стихотворения Блок детально ознакомился с I, а затем и II выпуском «Скифов», и позиция «скифского кружка», идеи, высказанные в упомянутых сборниках, безусловно, оказали влияние на общий дух стихотворения, которое планировалось для III сборника.

30 января, в день, когда были написаны «Скифы», Блок и Иванов-Разумник виделись в редакции газеты «Знамя труда». Блок прочитал ему свое стихотворение и напомнил их прежний разговор о древних и вечных скифах, т. е. о стихотворении Брюсова «Древние скифы», помещенном в I сборнике «Скифы», и своем стихотворении, которое отражало позицию «скифского» максимализма и революционности¹⁷⁰.

Итак, при трактовке блоковских «Скифов» должны быть учтены содержание и направленность скифских сборников. В предисловии к I сборнику, озаглавленному «Скифы», давались общие установки скифства как течения, отражающего «искания непримиренного и непримиримого духа», «мятущихся духовных „скифов“»¹⁷¹, подчеркивалось, что не Эллин противостоит Скифу, а Мещанин, ибо, говоря словами Иванова-Разумника, «в подлинном „эллине“ всегда есть святое безумие „скифа“, и в стремительном „скифе“ есть светлый и ясный ум „эллина“»¹⁷². Именно Мещанин, рядящийся в платье Эллина, но на деле превращающий революцию в мелкое реформаторство, жизнь — в прозябание, губящий мировой социализм, искусство и науку, — главный враг Скифа, «мелкий и злобный и безустанный враг».

Понятие «скиф» приобретало, таким образом, социальное и политическое значение. Это было и предостережением тем, кто выступал против скифского максимализма: «Стрела скифа — его (Мещанина. — Г. Б.-Л.) не минует»¹⁷³.

Во II сборнике Иванов-Разумник поместил свою статью «Две России», в которой говорил о важности скифства как особого литературного течения, служащего новой России — «России будущего», целям «*всемирности* русской революции»¹⁷⁴. «Те, кому страшен мировой вихрь, — запираются от него в четырех стенах, не идут на работу жизни, плачут от гибели Русской Земли. И отдаются этому вихрю те, которые знают и верят, что он несет миру новое слово и благу»¹⁷⁵.

Главным было деление на Новый и Старый Мир, а не на Запад и Восток, ибо вихрь охватывал (и должен был охватить) и Россию, и Запад, и всю Землю. Благодаря поэтам скифского направления, считал Иванов-Разумник, «замыкается цепь между глубинами мудрости Востока и вершинами достижений Запада, преломившимися в хрустальном озере русской души»¹⁷⁶.

Для нашей темы особенно существен один момент, а именно появление на страницах скифовских сборников «индийской темы», упоминаний об Индии. Прежде всего это представление о безграничности скифских поселений от Севера до «истоков Инда и Ганга, до пальмами отороченного Малабарского берега»¹⁷⁷. Так писал, ссылаясь на Геродота, в предисловии к I сборнику С. Д. Мстиславский. У Геродота, однако, такого сообщения нет, как бы ни толковать его рассказ о скифах — «кочевниках, живших сначала в Азии», — и родственных им племенах, которые ученые «поселяют» далеко на Восток¹⁷⁸.

Можно полагать, что обращение к Индии не было (или было не только) ошибкой литературного источника, из которого брались свидетельства Геродота. Это определялось желанием идеологов скифства подчеркнуть «безграничность поприщ скифских поселений», стремлением соотнести с Индией древних скифов, а отсюда и новых, тех, кто поднялся на защиту революции, за будущее новой России. Культурная соотнесенность России и Индии — тема, как известно, волновавшая многих символистов, нашла новый поворот в идейных установках скифства. Не случайно в сборниках встречаются обращенные к Индии («индийской земле») ¹⁷⁹ строки.

В своем стихотворении, посвященном С. Есенину — «прекраснейшему из сынов крещеного царства, крестьянину Рязанской губернии», Клюев дает своего рода переключку Руси и Индии, крестьянской — избяной, дремучей Руси и таинственной, полной чудес Белой Индии.

Певчим светом алмазно заиндевел
Надо мной древославный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!¹⁸⁰

Приведя эти строки Клюева, А. Белый призывает читателя увидеть в них «жест невидимо приподнятых рук... Белой Индии!..»¹⁸¹.

«Слышит Клюев — народный поэт, — пишет А. Белый уже во втором сборнике „Скифов“, — что заря, огромное, громкое Солнце восходит над „Белой Индией“»¹⁸².

Приводимые здесь клюевские строки: Дышу восковиной/Медынью цветов/Сжигающих Индий/и Волжских лугов!¹⁸³ — как бы подтверждают мысль А. Белого о том, что «сердце Клюева соединяет пастушечью правду с магической мудростью»¹⁸⁴.

Однако следует иметь в виду, что блоковские «Скифы» были созданы в иной политической обстановке, чем скифовские сборники, с которыми Блок был хорошо знаком, — I сборник вышел в середине 1917 г., II — в конце того же года; «Скифы» же были написаны в последние дни января 1918 г. Отражая скифский максимализм и идейные установки группы «Скифов», Блок создал принципиально новое сочинение, и многие из кардинальных вопросов, которые были тогда самыми острыми (о судьбах России, будущем мировой цивилизации, взаимоотношении Востока и Запада и т. д.), нашли в «Скифах» качественно иное воплощение. Но знаменательно, что при подготовке и создании «Скифов» Блоком также были привлечены индийские и шире — индоевропейские сюжеты (арийство, скифство, Калидаса).

Особую значимость имеет в этой связи трактовка «Скифов», данная С. Ф. Ольденбургом. В дни написания стихотворения поэт и ученый, как уже отмечалось, постоянно общались, обменивались взглядами. Рядом с автором будущих «Скифов» был выдающийся индолог, блестящий специалист по истории Востока и знаток собственно скифской проблемы. Судя по дневниковым записям, Ольденбург ознакомился со «Скифами» не по первой публикации (газета «Знамя труда», 20/7 февраля 1918 г.), а, очевидно, по журналу «Наш путь» от 1 апреля 1918 г.; в июне 1918 г. «Скифы» появились вместе с «Двенадцатью».

В некрологе, опубликованном вскоре после смерти Блока, Ольденбург, оценивая «Скифов», писал: «Эта Россия — скифов, тот третий, удивительный мир, который для Блока и не Восток, и не Запад, а именно Россия. Это любимая мысль многих из нас, русских, что мы — новый, третий мир, о котором так убедительно и обаятельно когда-то говорил Ламанский»¹⁸⁵. В своей книге «Три мира Азиатско-Европейского материка» В. И. Ламанский (известный славист, профессор Петербургского университета, академик, друг И. П. Минаева и старший коллега Ольденбурга) предлагал выделять три историко-культурных мира: собственно Европа (Запад), собственно Азия и Средний мир, который он называл греко-славянским Востоком¹⁸⁶, или христианско-арийским¹⁸⁷, а также индоевропейским и христианским¹⁸⁸. Ученый выступал против традиционного деления только на Запад и Восток (как это предлагал, например, академик В. П. Васильев, этот взгляд Ламанский подверг острой критике); особенно настоятельно он призывал не смешивать, не соединять Российский (христианско-арийский, греко-славянский) и азиатский¹⁸⁹, два разных культурно-исторических мира. В основу им клались несколько факторов — географический, историко-культурный, этнологический, языковой, религиозный и т. д. При этом специально оговаривалась близость ряда азиатских арийцев к миру Среднему (и по языку, и по этнокультурной

истории)¹⁹⁰. Конечно, у Блока в «Скифах» главный упор делается не просто на Россию, а на новую революционную Россию, но идея об особом Российском мире (и мире славяно-арийско-христианском) могла обсуждаться им как с участниками скифской группы (прежде всего с А. Белым), так и с Ольденбургом. Ведь не случайно концепция о России скифов как об особом новом мире, по словам академика, являлась любимой мыслью для многих русских.

На проблеме взаимоотношений христианства и арийства Блок подробно останавливается позднее, готовя доклад о «Крушении гуманизма» и ответы А. Л. Волынскому, но такие вопросы, как Россия и арийство, Запад, Россия и Азия затрагивались им уже в период, предшествующий написанию «Скифов».

Кратко вернемся к содержанию дневниковой записи Блока от 11 января 1918 г., в которой упоминается Калидаса.

В связи с этим можно отметить одно весьма любопытное сочетание — «Калидаса и скиф», приведенное К. Д. Бальмонтом в докладе, который он прочитал в октябре 1916 г. (т. е. в год издания его перевода драм Калидасы с предисловием С. Ф. Ольденбурга и за много месяцев до «Скифов» Блока): «В Индии поэт Калидаса, бывший утонченным, когда я еще, на утре моих столетий, был скифом, увидев меня, тотчас скажет: „цветок может вынести тяжесть пчелы, но не птицы“. И я сразу пойму, что в этой стране страшных чудовищ, высочайших гор, безмерных богатств и тонких соответствий — моя мера легкости есть мера тяжести, моя вода плотна как Земля, по моему воздуху здешние духи могут ходить свободно. Все здесь полно одухотворенным»¹⁹¹.

Для Бальмонта — это лишь литературный прием. Величие, утонченность Калидасы — носителя индийской цивилизации, «одухотворенной обители» — особо подчеркиваются в сравнении со скифством («варварством») бальмонтской, российской культуры в «далекую» эпоху, на утре столетий. Но Бальмонт передал не только свое преклонение перед гением Калидасы и древнеиндийской культурой, но и настроения тех лет — увлечение скифством, когда о нем шли острые споры в литературных, научных и общественных кругах, когда начинали готовиться сборники «Скифы». Иной подход был у Блока. В его «предскифской» записи нет противопоставления индийской и своей культуры по временной шкале и «степени утонченности»; наряду с Калидасой и скифством (в тексте «варвары») появляется новый элемент — арийство¹⁹². У Блока Калидаса не просто «присутствует», он помогает вскрыть Правду, миссию, которую должны исполнить «последние арийцы» — «мы». Блок (как, впрочем, и Бальмонт) знал, конечно, о том, что индийцы — арии, как знал он и о модной тогда точке зрения о связях скифов с Индией (напомним, например, о предисловии к первому сборнику «Скифы», с которым Блок внимательно познакомился). «Арийство», особенно в литературных кругах, понималось тогда по-иному, чем трактует эту проблему современная наука, но связь скифства с арийством (в том числе с Индией)¹⁹³ стала важным звеном в общей блоковской концепции историко-культурного развития. Для формирования этой концепции были существенно важны идейные споры по проблемам взаимоотношений Запада, Востока, России, происходившие в начале 1910-х годов (см. записи Блока от ноября-декабря 1911 г.). Особое значение для будущих «Скифов» имел цикл «На поле Куликовом». По словам А. Белого, Блок мог написать «Скифы» потому, что им было написано «Куликово поле»¹⁹⁴. Ибо Россия скифов это, как писал Ольденбург, именно Россия. Тогда вновь возникла «индийская тема», связанная с «вечными скифами» и судьбами России.

Так органично сблизились Индия и скифы, Индия и Россия. Индия и ее культура вошли составной частью в блоковскую концепцию преобразования мира, а также периодизацию литературного и шире — культурного развития человечества. Но такая позиция, восходящая еще ко взглядам Соловьева

и университетских учителей, к размышлениям над трудами Дейссена и А. Белого, к спорам с Вяч. Ивановым, Пястом, Метнером, Мережковским, получила четкое оформление после встречи с академиком Ольденбургом, особенно в результате работы поэта во «Всемирной литературе». По-иному стала восприниматься и сама индийская культура: не обобщенно, не как некое единое наследие, а дифференцированно. Блок по-новому осмыслил и высоко оценил значимость литературы, поэзии, театра Индии и вместе с тем не принял многих индийских религиозных идей и религиозно-философских течений. Но всегда, особенно в эти годы, в своих спорах и дискуссиях о путях развития культуры (и Запада, и Востока) Блок ставил в центр внимания судьбы новой России, увязывая происходившие революционные события с гибелью старого мира.

Особенно сблизила Блока и Ольденбурга совместная работа во «Всемирной литературе». Поэт вошел в редакционную коллегию экспертов (наряду с проф. Ф. Д. Батюшковым, проф. Ф. А. Брауном, А. Л. Волинским, Е. П. Замятиным, М. Горьким, Н. С. Гумилевым, А. Я. Левинсоном, М. Л. Лозинским, А. Н. Тихоновым и К. И. Чуковским); академик-востоковед С. Ф. Ольденбург (и это весьма показательно) также был включен в список писателей (очевидно, как литературовед, фольклорист и переводчик) и возглавил вместе с тем Восточную коллегию издательства, членами которой были также академик Н. Я. Марр, проф. И. Ю. Крачковский и проф. В. М. Алексеев (будущие академики). К осуществлению востоковедных планов были привлечены также акад. В. В. Бартольд, проф. Б. Я. Владимирцов (впоследствии академик), акад. П. К. Коковцов, проф. И. А. Орбели (впоследствии академик), проф. О. О. Розенберг, В. В. Струве (впоследствии академик), акад. Б. А. Тураев, проф. В. К. Шилейко, акад. Ф. И. Щербатской и др. Была образована специальная студия — мастерская, где читались лекции, обсуждались принципы художественного перевода при участии Н. С. Гумилева, К. И. Чуковского, М. Л. Лозинского, было организовано несколько серий, в том числе «Русская литература XX в.», куда вошли произведения Блока, создан специальный цикл «Литературы Востока». В письме В. В. Воровскому, который являлся тогда заведующим Госиздатом РСФСР, Горький писал: «Теперь нами организовано издание „Литературы Востока“, в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими <...> Задача грандиозная, и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе»¹⁹⁵. По образному выражению Ольденбурга, «Всемирная литература» — был литературный интернационал¹⁹⁶. «Словесность чуть не каждой страны имела в этой коллегии своих представителей. Индусы были представлены академиком Ольденбургом. Арабы — академиком Крачковским. Китайцы — академиком Алексеевым. Монголы — академиком Владимирцовым... Александр Блок вместе с другими двумя профессорами-германистами ведал германской словесностью», — писал в своих воспоминаниях Чуковский¹⁹⁷. В приложении к I сборнику «Литература Востока» (судя по пометкам, Блок внимательно читал статьи Ольденбурга и Крачковского) специально подчеркивалась значимость для русского читателя ознакомления с восточной литературой. Если раньше лишь случайно в круг его чтения попадали переводы некоторых восточных памятников, и то не с восточных подлинников, а с западных языков, то теперь впервые делалась попытка при помощи русских востоковедов приобщить в сознании русского читателя памятники Востока к мировой литературе, соединив их с памятниками литератур Запада. «Русские востоковеды охотно откликнулись на призыв передать понятной русской речью замечательные и характерные произведения восточных писателей, над которыми они работали всю свою жизнь»¹⁹⁸. «Выбор сделан, однако, такой, что если только удастся осуществить всю программу, то мы будем в праве сказать, что русская литература обладает серией памятников восточной словесности, какой не имеет еще ни один народ»¹⁹⁹.

Работа во «Всемирной литературе» поглотила Блока, здесь он встречался с крупнейшими учеными-востоковедами, обсуждал сочинения восточных писателей, новые готовящиеся издания, составлял планы исторических картин, работал в специальной секции. Обстановку тех дней прекрасно передают дневники К. И. Чуковского, воспоминания Е. Ф. Книпович и участников «Всемирной литературы», в том числе Горького, а также К. Федина, их переписка (например, письма Ф. Д. Батюшкова, Горького)²⁰⁰, архивы (в частности, В. М. Алексеева, А. Н. Тихонова), некоторые документы, связанные с деятельностью «Всемирной литературы»²⁰¹. По свидетельству Е. Ф. Книпович, поэт пересматривал свои старые взгляды на развитие восточной культуры, его «востоковедный горизонт» значительно расширялся, менялось представление о закономерностях развития мировой культуры²⁰². Особенно существенно, и это справедливо подметила Е. Ф. Книпович, что «доклады академиков-востоковедов Блок ощущал как некое „крушение“ привычного европоцентризма в представлениях об искусстве»²⁰³. Показательно, что в одной из своих статей, связанных с деятельностью во «Всемирной литературе», Блок писал, что «вся европейская цивилизация является лишь маленькой подробностью на всемирно-историческом фоне» (VI, 426). Здесь ярко отразилось новое отношение поэта к достижениям мировой, и в частности восточной, культуры.

Частыми были встречи с Ольденбургом, виделся Блок также с Алексеевым, Струве, Крачковским, Шилейко, читал, обсуждал их статьи, и это влияло на подход Блока к «миру Востока». Показательно, что во введении к I сборнику «Литература Востока» поэт специально отчеркнул следующие строки: «Если мы почувствуем необъятные пространства Азии, почти недоступную высоту одних ее гор и умирание других на краю выветривающей их пустыни, глубочайшую синеву ее неба, ослепительное золото ее солнца, то мы научимся понимать все то, что кажется нам теперь таким преувеличенным, созданным необузданной фантазией многих стран Востока»²⁰⁴.

Во «Всемирной литературе» встал вопрос о разработке серии драматических произведений на исторические темы («Из Всемирной истории человечества»), был составлен примерный план. По воспоминанию Чуковского²⁰⁵, секция исторических картин ставила своей целью побудить русских драматургов писать пьесы по определенному плану для просвещения широких читательских масс. В ИРЛИ хранится подготовленный Н. С. Гумилевым (с пометками Блока) список пьес, «необходимых для серии исторических картин (программа-минимум)»²⁰⁶. В списке — доисторический период, Древний Восток, Эллада, Рим, Переселение народов и раннее христианство, Средневековье, Возрождение, Новая история, Новейшая история, Русская история. «Египет» был заказан Блоку, «Ассирия» и «Иудея» — Шилейко, пьесу об Индии должен был написать Ольденбург. Участвовал в осуществлении этого плана и В. П. Алексеев (ЗК, 483). Специальную статью об исторических картинах подготовил Блок (VI, 424—425). Внимательно ознакомился он с написанной Ольденбургем статьей «Индийская литература», которая была помещена в I сборнике «Литература Востока». Это значительно расширило индологические познания поэта. Очерк был посвящен преимущественно памятникам санскритской литературы (даны их краткие характеристики), основным этапам историко-культурного развития Индии в древности и в раннем средневековье, специфике древнеиндийской прозы и поэзии; в нем давалась оценка вклада индийской словесности в мировую культуру, говорилось о влиянии Индии на другие страны. Сделанные поэтом пометки выявляют темы и сюжеты, которые привлекли его особое внимание. Многие сведения об индийской литературе были Блоку, конечно, хорошо знакомы и раньше, но что же привлекло его вновь, что именно в тот период впервые заинтересовало поэта? Этот вопрос важен не только для изучения его отношения к восточной культуре, но и для понимания творческого настроения в 1919 г.

Как и прежде, особый интерес был обращен к ведам, их датировке²⁰⁷, специфике содержания, составу ведийской литературы²⁰⁸, эпосу²⁰⁹, творчеству Калидасы²¹⁰, теориям драматического и поэтического искусства²¹¹, религиозным течениям (в том числе брахманизму-индуизму и буддизму)²¹²; кроме того, Блок, читая очерк Ольденбурга, пытался вслед за индологом четко очертить хронологические рамки политических и культурных этапов, время творчества таких крупных писателей, поэтов, драматургов, грамматиков, как Панини, Ашвагхоша, Бхаса, Дандин, Бана, Амару, уяснить периодизацию санскритской литературы. Выделяет он и такие известные сборники сказок, наставлений и притч, — «Панчатантра» и «Хитопадеша». Специальный интерес обращен к древнеиндийским драмам, к широкому применению праkritов как в санскритских драмах, так и в поэзии и повествовательной прозе²¹³ в эпоху расцвета древнеиндийской литературы. Вспоминая, очевидно, свои беседы с Ольденбургом и поддерживая планы Восточного отдела «Всемирной литературы», Блок подчеркнул следующие слова ученого: «Вот почему так особенно важны в настоящее время интереса к Востоку переводы, которые позволили бы глубже окунуться в этот своеобразный и чуждый пока западному человеку мир». Своеобразие восприятия Востока, и в частности Индии, человеком Запада отметил Ольденбург в своем предисловии к драмам Калидасы, на что, судя по пометкам, обратил особое внимание Блок. Заметки и подчеркивания поэта при чтении статьи Ольденбурга говорят об интересе, который он проявил к политической и социальной истории древней Индии: к кастам²¹⁴, эдиктам царя Ашоки, политическому трактату Каутильи, к такой своеобразной черте общественного развития, как преобладающее существование деревень (вплоть до последнего времени, говоря словами Ольденбурга). В своей статье, являющейся общим обзором древнеиндийской литературы, Ольденбург кратко касается буддийской тематики, хотя и показывает связь буддийской литературы с предшествующей традицией и дает сжатую, но яркую оценку творчества одного из «знаменитейших буддийских поэтов Ашвагоши, произведения которого, по крайней мере частью, дошли до нас и говорят о том, до какого высокого художественного совершенства дошли к этому времени в Индии эпос, лирика и драма»²¹⁵. Всего в нескольких строчках дал Ольденбург характеристику так называемого переходного времени (теперь в науке этот период называется кушанским), которое длилось с II в. до н. э. до III в. н. э. (Блок на полях с. 14 написал: II в. до Р. Хр. — III в. по Р. Хр.), но выделил самые важные явления в духовной сфере: «в области духа великое создание великого Учителя Будды выросло в стройную философскую систему, как одно из величайших в мире достижений человеческого ума; шла борьба между философскими учениями буддистов и брахманов, и рядом с этим в индийский пантеон входили два образа, еще неизвестные Ведам, но которым суждено было владеть на многие столетия Индией»²¹⁶. Эта краткость в описании буддизма объяснялась лишь характером очерка. Сам Ольденбург был прежде всего буддологом, превосходным знатоком буддизма, автором блестящих работ по различным проблемам буддологии. Не случайно среди подаренных им Блоку трудов — большинство относится к буддийской тематике. Две из них с дарственными надписями были связаны с I буддийской выставкой в Петербурге, в организации которой ведущую роль сыграл Сергей Федорович. Это — лекция, прочитанная 24 августа 1919 г. при открытии выставки — «Жизнь Будды Индийского Учителя жизни»²¹⁷ (на титульном листе: «Многоуважаемому и дорогому Александру Александровичу Блоку от читателя и почитателя. С. Ф. О л ь д е н б у р г») ²¹⁸, и брошюра Ольденбурга об этой выставке — «Первая буддийская выставка в Петербурге»²¹⁹ (надпись на титульном листе: «Дорогому Александру Александровичу Блоку от искренне ему преданного Сергея Ольденбурга на память об общей работе и о долгих спорах»²²⁰).

Проведение осенью 1919 г. в тяжелейшее для молодой республики время буддийской выставки — событие исключительное не только в истории

отечественной буддологии, но и в культурной истории страны. Организаторы ставили своей целью ознакомить широкие слои населения с культурой, религией, искусством народов Востока, связанных с одним источником — Индией, показать близость культур России и Индии, древние сведения о ней в нашей стране. «Нигде, может быть, на земле,— писал Ольденбург,— люди не искали с такой силой и напряжением ответа на вопросы о жизни и смерти, о цели и смысле жизни, как в далекой от нас Индии, населенной главным образом народами нам родными, языки и многие обычаи которых во многом близки нам»²²¹. На выставке экспонировались хранившиеся в музеях и привезенные русскими экспедициями из Восточного Туркестана памятники буддийского искусства, а также отдельные вещи из Тибета, Монголии, Китая, Японии, Вьетнама, Явы. Подходя к оценке буддизма со строго научных позиций, Ольденбург (как и другие докладчики) старался выделить в нем общечеловеческие этические основы, подчеркнуть то, что сближало народы России и Индии, что могло найти в буддийском учении отклик у трудящихся в крайне трудном для России 1919 г. «В Индии за шестьсот лет до Р. Хр., т. е. за две с половиной тысячи лет до нашего времени, появилось учение, которое поставило себе целью силой человеческого разума ответить на все вопросы, мучающие человека...»²²².

Посетил ли Блок выставку, о которой писали петербургские газеты²²³ и о которой рассказывал поэту Ольденбург, сказать трудно, но подаренные академиком две работы, посвященные выставке,— несомненное свидетельство знакомства поэта со взглядами Ольденбурга на буддизм. В связи с буддийской выставкой можно вспомнить о строительстве в Петербурге буддийского храма (1909—1915); в комитет по созданию проекта вошли С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, Н. К. Рерих,— от Ольденбурга и Рериха об этом плане, очевидно, знал и Блок. Поэт и художник с большим уважением относились друг к другу²²⁴.

Дарственные надписи Ольденбурга на работах по буддизму свидетельствуют не только о характере взаимоотношений поэта и ученого — искренности их дружбы, глубоком почтении друг к другу; они говорят и об общей работе и обсуждении волновавших Блока и Ольденбурга различных тем, долгих спорах. В понятие «совместная работа» могла включаться и прежняя работа в Чрезвычайной следственной комиссии, и участие в деятельности «Всемирной литературы», ее секций, в различных комиссиях и т. д. Надписи позволяют предполагать, что в круг проблем, порождавших споры, включались и вопросы, связанные с темой брошюры — буддизмом. (Напомним, что интерес к буддизму у Блока проявился много раньше — еще в студенческие годы, когда он купил книгу Ольденбурга, при чтении трудов Соловьева, в переписке с А. Белым, в спорах с Мережковским и т. д.; в библиотеке поэта некогда находилась книга одного из последователей Л. Н. Толстого — П. А. Буланже о жизни и учении Будды²²⁵.) В тексте лекции, прочитанной на выставке Ольденбургом, где рассказывается традиционная биография Будды и сущность его учения, Блок особо выделил строки, посвященные первой проповеди Будды, в которой были фактически изложены основы буддийской доктрины. Он отчеркнул красным карандашом следующий отрывок: «О братие, в две крайности не должен впадать вступивший на Путь. В какие же две? Одна из них в страстях, соединена с наслаждением страстями, низкая, грубая, свойственная человеку непросвещенному. Другая соединена с самоистязанием, скорбная, не святая и связана с тщетою. Будда, отойдя от крайностей, избрал срединный путь, дающий прозрение, знание, ведущий к успокоению, высшему разумению, нирване. Прежде всего надо познать четыре святые истины: первая истина — что существование есть страдание, вторая — что источник существования жажда жизни, третья — что уничтожением жажды жизни уничтожается и существование, четвертая истина — что жажда жизни уничтожается вступлением на Путь,

который состоит из восьми частей: истинных воззрений, истинных стремлений, правдивой речи, доброго поведения, честного способа добывания средств к существованию, истинного старания, верной памяти, истинного самоуглубления». И прибавил Будда: «Возникло у меня знание и ведение, незлобие и свобода мысли. Вот мое последнее рождение, не будет вновь бытия»²²⁶. Блок не принимал (и не мог принять) буддийские установки об уходе от активной жизни, о срединном пути, погашении желаний, уничтожении жажды жизни, о главной цели — достижения успокоения, нирваны. И это было не потому, что Блок не интересовался буддизмом (см. переписку с А. Белым) или не понимал сущности этого учения (судя по пометкам, в трудах Соловьева его привлекала буддийская установка нравственного усовершенствования); страстная, бурлящая, мятежная натура поэта никак не увязывалась с основными установками буддизма, и спор с ним профессионального буддолога, который блестяще знал учение Будды, был неизбежен, даже закономерен (хотя Ольденбург был против трактовки буддизма как пессимистического учения и понимал гуманистический характер ряда его установлений²²⁷). Укажем в этой связи и на «Записные книжки» Блока: «Продолжаются споры о „Жизни Будды“ Ольденбурга и Гумилева» (ЗК, 486), — в чем сходились и как расходились взгляды Блока и Гумилева на буддизм — тема, выходящая за рамки нашей публикации. Именно Ольденбург, который был истинным почитателем таланта поэта и тонко чувствовал его творческий и душевный настрой, сумел понять несовместимость установок Блока и многих основоположений буддийской доктрины, дать этому точную оценку. Особенно показательны написанные уже после кончины поэта некролог Ольденбурга и его письмо Горькому. Письмо датировано 30 августа — 1 сентября 1922 г. и направлено Горькому за границу²²⁸. Призывая писателя вернуться в Россию, Ольденбург писал: «Лично тоже хотел бы очень Вас видеть, как ни раз но мы с Вами смотрим на жизнь — пессимизм и оптимизм; посылаю Вам свой перевод киплингского Пуран-Багата²²⁹, тоже оптимиста. Более мудрые, чем мы, индийцы старости отводят важное место заключительных созерцаний среди природы — величайшего примирения потоков противоречий человеческой жизни. Там в пустыне и в пустынях люди замыкают достойным образом круг жизни и вступают в великий благотворный покой смерти. А мы мечемся до конца, не оставляя себе минуты для передышки и для итогов. Как западноблоковское „не может сердце жить покоем“, Восток говорит, что должно быть время, когда сердце должно жить покоем, великим покоем созерцания, без которого сердцу не воплотить своего великого назначения в жизни: любить, страдать и понимать. Для последнего необходим покой созерцания, ибо любовь и страдание дают понимание одностороннее». В некрологе «Не может сердце жить покоем» Ольденбург прямо не противопоставляет блоковское мировоззрение восточному, но именно духовная близость поэта и ученого и вместе с тем понимание Ольденбургом существа блоковского подхода к жизни позволили ему точнее увидеть причину творческой и жизненной трагедии поэта, не понятой многими современниками.

«Законом жизни кажется Блоку, — писал Ольденбург, — непрерывная, безостановочная смена одного другим... и мучительны и сладостны эти вечные перемены, к ним влечет неудержимо во всем:

Не может сердце жить покоем...²³⁰

...Все зло жизни оттого, что сердца успокаиваются; застывают в своем покое, а потому в жизни, среди жизни смерть самое ужасное, что может быть — мертвая жизнь, смертное изживание...²³¹ Да разве что-нибудь и когда-нибудь могло бы удовлетворить его, да разве он искал удовлетворения? Удовлетвориться значило бы для него изменить себе, признать остановку, признать возможность перерыва...»²³².

Находясь рядом с Блоком, знакомя его со словесностью, поэзией и драматургией Востока, и прежде всего Индии, Ольденбург знал о неприятии поэтом многих религиозно-философских идей Индии, в том числе буддийского учения об отказе от желаний и высшей цели — нирваны и индуистского установления об уходе из земного мира деяний в созерцание отшельника, для «великого покоя созерцания».

Знал и старался помочь поэту. «...Чтобы спасен он был весь, со всею своею душою, для этого нужно было чудо... нужно, чтобы сердце человеческое стало бесконечно сильным, ибо только тогда оно сможет отказаться от покоя в жизни, от тех перерывов в переменах, которые ему теперь необходимы, чтобы не перестать биться»²³³.

1919—1920 гг. были для Блока временем напряженнейшей литературной и организационной деятельности, и вместе с тем периодом душевных потрясений, творческих разочарований, ужасающих материальных трудностей, навигавшейся неизлечимой болезни.

«Страшные» дни обступили его. Он видел их в прошлом, он предвидел их в грядущем... И тихо, тихо, но беспощадно,— писал Р. В. Иванов-Разумник,—вьдалась в душу поэта беззаветная тоска²³⁴. По словам самого Блока, 1919 г. был особенно трудным, особенно тяжким на этапе революции.

В записях первых месяцев 1919 г. Блок много раз упоминает о своей увлеченности работой. По заказу «Всемирной литературы» он редактировал переводы Гейне: «Весь день — Гейне» (ЗК, 445), «карточки и вырезки стихотворений Гейне» (ЗК, 446). Начиная с марта Блок участвует в составлении плана исторических картин по средним векам (ЗК, 452), посещает заседания «Всемирной литературы», выступает с докладами, готовится к докладу о переводах Гейне. Вот некоторые записи тех дней. 12 марта: «Весь день — глубокая усталость и работа над провансальской картиной и Гейне» (ЗК, 452). 14 марта: «Заседание во „Всемирной литературе“... Я говорил о Гейне и обещал доклад к следующей пятнице» (ЗК, 452). 15 марта: «Весь день — работа над докладом о переводах Гейне» (ЗК, 452). 20 марта: «...Работа над Гейне — плохо удающаяся» (ЗК, 453). 21 марта: «Заседание „Всемирной литературы“. Мой доклад о положении с Гейне отложен...» (ЗК, 453). 22 марта: «Работа, работа. Усталость» (ЗК, 453). Именно в этот день напряженнейшей подготовки к докладу Блоку посылает письмо Ольденбург²³⁵.

«Многоуважаемый Александр Александрович!

Как только получил дорогие мне „Двенадцать“²³⁶, хотел написать Вам — я вновь перечел и, как всегда бывает с сильною и хорошою вещью, перечувствовал ее опять во многом по-другому, но в основном чувствую по-прежнему, и потому мне именно эта вещь и кажется такою сильною и яркою. Мне кажется, что она скажет будущим поколениям о той внутренней смерти того, что многим казалось живым и в чем жизни не было и нет. Хотел написать Вам много, но день идет за днем в непрерывающейся работе и нет того тихого часа, который нужен для такого письма. Поэтому говорю только — большое спасибо.

Только что получил пригласительное письмо от Николая Константиновича²³⁷ и посылаю его Вам. Крепко жму руку. Искренне и сердечно Вам преданный. Сергей О л ь д е н б у р г».

Ольденбург, очевидно, знал, в каком напряженнейшем ритме жил и работал поэт, хотел поддержать близкого человека, у которого, говоря словами самого Блока, — дни глубокой усталости, «напряженных нахлынувших мыслей — до изнеможения» (ЗК, 454). Ольденбург, очевидно, знал о тех идеях, которые волновали Блока во время подготовки к докладу, прежде всего о неотвратимой гибели старой цивилизации, представлявшейся для многих незыблемой. Недаром им были написаны слова о «внутренней смерти того, что многим казалось живым и в чем жизни не было и нет». Письмо Ольденбурга — это и сопереживание с Блоком непрерывающейся работы, даже без

тихого часа для послания другу. Действительно, судя по записям поэта, он был полностью поглощен подготовкой к выступлению о Гейне, а затем к докладу о «Крушении гуманизма». И вместе с тем он по-блоковски — глубоко, остро, болезненно — переживал любые творческие неудачи, возникавшие у него споры и разногласия с коллегами, сотрудниками, руководством издательства «Всемирная литература», мучительно воспринимал тяжкие минуты сомнений.

Доклад о русских переводах Гейне был прочитан на заседании «Всемирной литературы» 25 марта ²³⁸. Этот день Блок в своем дневнике называет большим днем (VII, 355). Доклад, в котором были подняты более широкие проблемы, в том числе вопрос о «крушении гуманизма и либерализма» (VII, 356), о том, что «гуманистическая цивилизация XIX века кончилась» ²³⁹, вызвал споры, горячее обсуждение. По словам поэта, ожесточенно нападал А. Л. Волынский (VII, 356; ЗК, 454), не соглашались и некоторые другие участники заседания, высказал возражения и Горький, хотя и назвал доклад пророческим (VII, 356). По его предложению было принято решение посвятить поднятой Блоком проблеме особое заседание «Всемирной литературы» и заслушать специально подготовленный поэтом доклад. «Весь вечер пишу о крушении цивилизации. — Тяжелое впечатление от дня», — записывает Блок 28 марта (ЗК, 454). 29 марта: «Тяжелое впечатление от вчерашнего дня усилилось. Весь день пишу доклад. Очень трудно все» (ЗК, 454). 3 апреля: «Весь день — работа над докладом» (ЗК, 454). 5 апреля: «Работа над докладом — сплошная и мучительная» (ЗК, 455). 6 апреля: «Весь день — работа над докладом» (ЗК, 455). Доклад состоялся 9 апреля на собрании сотрудников «Всемирной литературы» (на квартире у А. Н. Тихонова). В этой связи поэт записал: «В 6 часов — мой доклад об антигуманизме у Тихонова» (ЗК, 455). В архиве Блока сохранилась черновая рукопись «Крушения гуманизма» и карандашные заметки о прениях. О докладе 9 апреля красными чернилами Блок записал: «...против — А. Л. Волынский ²⁴⁰. Прения под пред(седательством) Ф. А. Брауна: М. Горький, Тихонов, Батюшков ²⁴¹, Иванов-Разумник, Браудо, Замятин, Гизетти, Волынский, я, Ольденбург. Не говорили: Чуковский, Ремизов, Гржебин» ²⁴². Знаменательно, что на докладе присутствовал и выступал Ольденбург — его подход в оценке старой цивилизации, как известно, во многом совпадал с основными идеями Блока. И хотя запись выступления Ольденбурга не сохранилась, можно полагать, что он поддержал позицию поэта. Позднее (16 ноября 1919 г.) Блок прочитал этот же доклад в помещении издательства «Колос» на открытии Вольной философской ассоциации ²⁴³. Вспоминая о выступлении Блока, Горький сравнивал его взгляды о падении цивилизации и антигуманизма со «скифством» ²⁴⁴. И зачем Блоку «скифство», — спрашивал Горький ²⁴⁵. Если соотнесение выраженных в докладе положений со «скифством» совершенно справедливо (именно здесь проявился блоковский максимализм), то вопрос вряд ли был уместен — «скифство» было идейной установкой поэта, выражением его органической связи со «скифской» группой ²⁴⁶ (по словам Иванова-Разумника, после выступления Блока в Вольной философской ассоциации тема кризиса современной европейской культуры стала основной в ряде докладов и чтений ²⁴⁷). Многие доклады были посвящены «скифской проблематике» ²⁴⁸; не случайно, резко возражая докладу Блока о «Крушении гуманизма», Волынский выступал против сборников «Скифы» ²⁴⁹.

Дальнейшая работа над переводами Гейне усилила полемику с сотрудниками «Всемирной литературы» и затронула не только скифскую, но также арийскую и даже собственно индийскую тематику. Особый интерес в этой связи представляет доклад Блока, написанный как ответ Волынскому. 26 декабря 1919 г. на заседании «Всемирной литературы» А. Л. Волынский выступил с докладом «Разрыв с христианством», при обсуждении которого свои несогласия высказал Блок (В записной книжке поэт отметил: «Волынский делал замечательный доклад о Гейне и иудаизме. Я возражал» (ЗК, 484).

На следующий день Блок составил ответ Волынскому (запись в записной книжке от 27 декабря: «Написано возражение Волынскому» (ЗК, 484)²⁵⁰, от 30 декабря: «Возражение Волынскому»²⁵¹). В прениях по докладу Блока выступили Е. М. Браудо, Ф. Д. Батюшков, Б. П. Сильверсван, Н. С. Гумилев²⁵². Страстно увлекаясь иудаизмом и талмудистской литературой, А. Л. Волынский стремился увидеть в христианстве прежде всего иудаистскую основу, с этих позиций он подходил и к оценке творчества Гейне и немецких романтиков. «Монистический дух иудаизма, без дуалистических и триалистических расслоений, стоит перед глазами человечества непреодолимой скалой. На высоту этой скалы Гейне и возносит свой дух, прочь от католической мистики и истерики народных суеверий, прочь от средневековых туманов догматики и церковности», — писал А. Л. Волынский²⁵³. Против такой позиции и выступал Блок. Он упрекал Волынского и в том, что тот говорил «о несродности <христианства.—Г. Б.-Л.> арийским племенам» (VI, 144). По словам Блока, речь Волынского — страстная филиппика против христианства на арийской почве. Волынский, — писал Блок, «опирается на другую основу, на другой элемент христианства — иудейско-рационалистический, потому что ... не чувствует другой, тоже гигантской и чисто арийской основы христианства»²⁵⁵. Веданта, Платон, гностики, платоновская традиция в итальянском Возрождении (правда, очень незначительный этап), иенский романтизм 1787—1801 гг. и (может быть, еще менее заметный этап) русский символизм на рубеже XX столетия» (VI, 146).

Под арийской основой поэт имел в виду индоевропейские корни (так понималось обычно арийство не в специальной научной литературе). Обращение к веданте, увязка этого учения с Платоном, признание непосредственной связи между индийским учением и последующими литературными (и шире — культурными) течениями вплоть до русского символизма — факт весьма знаменательный. Он свидетельствует не только о продолжении того интереса к индийской тематике, который проявился у поэта в связи с книгой Дейссена («Веданта и Платон») ²⁵⁶, но и об осознании Блоком «его духовной родословной»²⁵⁷. Эту позицию последовательно выражали и другие символисты, прежде всего Белый. Об этом ясно свидетельствуют такие его книги, как «Символизм» (1910) и «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (1917)²⁵⁸; в них встречаются строки, которые, как справедливо заметил Вяч. Вс. Иванов, разительно сходны с вышецитированными мыслями Блока²⁵⁹.

Выступление Ольденбурга по докладу Блока в апреле 1919 г. — еще одно свидетельство той творческой дружбы, которая их связывала. Можно полагать, что разработка поэтом «арийской тематики» при работе над переводами Гейне во «Всемирной литературе» также не прошла без участия Ольденбурга. И вновь проявилась не только научная помощь ученого, но и его теплое товарищеское отношение. Оно было особенно дорого поэту в то время.

Зима 1919 г. — начало 1920 г. — трудная полоса в жизни Блока. После ноябрьского доклада о крушении гуманизма продолжались острые дискуссии, возникали по поводу его идей и концепций новые возражения; он обсуждает и завершает пьесу «Рамзес» (кстати, по словам поэта, пьеса понравилась Ольденбургу) (ЗК, 481), составляет проекты «исторических картин» (в этой работе принимает участие и Ольденбург)²⁶⁰, активно работает во «Всемирной литературе» (вместе с Ольденбургом). И наряду с этим поэт мучительно переживал свои «творческие остановки», с горечью говорил о себе — «писать стихи забывший Блок»²⁶¹. «Страшные дни» обступили его. Он видел их в прошлом, он предвидел их в грядущем... И тихо, тихо, но беспощадно, — писал Иванов-Разумник, — въедалась в душу поэта беззаветная тоска»²⁶².

Позднее в своей книге «Александр Блок» М. А. Бекетова писала: «Александр Александрович был глубоко разочарован и замкнулся в своей печа-

ли»²⁶³. Угнетали Блока житейские и семейные трудности. Вот некоторые записи тех дней: «До каких пределов дойдет отчаянье?» (ЗК, 480), «тяжело, как будто кто-то сглазил» (ЗК, 481), «не знаю, чем помочь маме» (ЗК, 486).

Судя по «Записным книжкам», в эти тяжелые дни Блок часто встречался с Ольденбургом — разговаривал с ним о Пясте (ЗК, 482), об «исторических картинах» (ЗК, 484), был свидетелем его жаркого спора о Будде с Гумилевым.

Ольденбург знал о душевном состоянии своего молодого друга, старался помочь ему.

20 января 1920 г. во время заседания «Всемирной литературы»²⁶⁴ он передал Блоку «свое» стихотворение. Оно хранится в архиве Блока — на листке бумаги рукой Ольденбурга написан текст стихотворения и внизу приписка, сделанная Блоком: «С. Ф. Ольденбург передал мне 20 января 1920 г. Трогательно, что он занят этим среди всех своих дел»²⁶⁵. В наст. томе об этом стихотворении говорится как о сочинении Ольденбурга²⁶⁶. Однако Ольденбург лишь внес некоторые изменения в текст стихотворения Блока из цикла «Ante Lucem».

Сопоставим оба текста — блоковский (1) и «ольденбургский» (2).

1.

Моей матери

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...²⁶⁷

2.

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной.
Вижу, прорезал эфир бестелесный
Свет ее яркий, душевный, живой! *

Надо смотреть в это звездное море,
Надо стремиться к далекой луне!
Много и счастья в житейском просторе,
Много и жару в сердечном огне!

Месяц приветный лучами ответит,
Звезды достигнуть достаточно сил!
Холод смертельный лишь здесь тебя встретит
В темной стране твоих темных могил...

«Переделки» Ольденбурга изменили общий настрой юношеского произведения Блока, по-другому расставили акценты, слова наполнились новым смыслом: вместо бледного, бездушного, пустого света — яркий, душевный, живой;

* Курсивом выделены разночтения с текстом Блока.

вместо «полно стремиться» — «надо стремиться»; вместо «мало ли счастья» — «много и счастья»; и, наконец, вместо «месяц холодный тебе не ответит, звезд отдаленных достигнуть нет сил» — слова, вселяющие веру в силы и сердечный огонь, и вместе с тем — понимание душевного состояния поэта.

Отношение Ольденбурга было дорого Блоку, глубоко тронуло его («Трогательно, что он занят этим среди всех своих дел»). Поэт знал об исключительной занятости Непременного секретаря Академии, директора Азиатского музея, председателя Восточной коллегии «Всемирной литературы» и т. д. и, конечно, понимал, что переделанное стихотворение не было шуткой (как это часто бывало на заседаниях «Всемирной литературы») ²⁶⁸, чудачеством академика, простой тягой к рифме. Это была поддержка поэту, который в последний день уходящего 1919 г. записал: «безвыходность» (ЗК, 484). Был, очевидно, особый смысл и в выборе стихотворения из цикла, посвященного матери. Судя по записным книжкам, в те дни поэт глубоко переживал тяжелую болезнь отца (ЗК, 486) и непросто складывавшиеся отношения с матерью, которую горячо любил. Но написанные в 1898 г. и посвященные матери слова: «Друг, посмотри...» — в 1920 г. говорились уже от лица Ольденбурга и, очевидно, были обращены к самому Блоку. Друзья поэта, в том числе и Ольденбург, видели, в каком тяжелом состоянии духа он находился, ибо прерывалась «бесконечная песня», а «песня была его жизнью» ²⁶⁹.

Ольденбург стойко переносил тяжелые испытания (голод, разруха, война и т. д.), выпавшие на долю русской интеллигенции в 1919—1920 гг. Побывав в России (в Петрограде) в 1920 г., Г. Уэллс был буквально потрясен мужеством ученых, в том числе Ольденбурга ²⁷⁰. Ольденбург стремился передать эту душевную стойкость Блоку, помочь ему. Поэт и ученый встречались и после января, чаще всего на заседаниях «Всемирной литературы». Расхождения по ряду вопросов Блока с Горьким, которые возникли значительно раньше, весной 1920 г. вновь обострились.

20 марта 1920 г. после спора с Блоком на заседании «Всемирной литературы» Горький сказал Чуковскому: «Вот наши писатели. Ничего не могут! Ничего. Нет, Корней Иванович, ученые лучше. Вот мы вчера заседали здесь — это люди! Ферсман, Ольденбург и Пинкевич!» ²⁷¹.

Противопоставление Блока Ольденбургу не соответствовало действительности. Более того, именно отношения Блока и Ольденбурга, особенно в этот период, были очень близкими, доверительными, глубокоуважительными. 25 марта Блок направил в Лугу письмо М. А. Бекетовой, в котором дважды упомянул об Ольденбурге. Но это письмо интересно прежде всего тем, что намечает новую линию в творческой биографии поэта, на которую, к сожалению, не обращали внимания исследователи его творчества. Важно это письмо и для темы этой статьи.

25 марта 1920 г. М. А. Бекетовой.

«Тетинька, Ольга Алексеевна ²⁷², говорит, что вы уже были у Варв(ары) Петр(овны) Шнейдер, в детском приюте «Светелка». Между тем, я только что узнавал ее адрес для тебя у Ольденбурга. Ф. Д. Батюшков скончался (от язвы желудка), он и хотел свести тебя со Шнейдерами, которых и Ольденбург знает. Думаю, что это — единственный путь, так как они в Луге — культурный центр, главные интеллигенты. Не могли ли бы вы с Аннушкой ²⁷³ переселиться ближе к ним?» ²⁷⁴.

К этому письму примыкает и другое, написанное на 10 дней раньше (16 марта) и тоже посланное в Лугу М. А. Бекетовой:

«...Я надеялся, что письмо свезет к тебе Батюшков (Ф. Д.), который собирался познакомить тебя с лужской интеллигенцией, но он сейчас в больнице» ²⁷⁵.

Сестры Шнейдер — Варвара Петровна (1860—1941) и Александра Петровна (1863—1941) были племянницами Ивана Павловича Минаева (1840—1890) — основателя русской индологической школы, профессора санскрита

в С.-Петербургском университете; его труды, как уже отмечалось, были в библиотеке Блока²⁷⁶.

После смерти матери сестры Шнейдер воспитывались у И. П. Минаева, а после кончины дяди (1890 г.) продолжали жить в его квартире, поддерживая традиции «минаевского дома»²⁷⁷. Здесь еще при жизни ученого встречались многие известные деятели русской культуры и науки — В. В. Стасов, И. Е. Репин, Л. Н. Майков и Ап. Н. Майков, Н. К. Рерих, В. М. Васнецов, В. И. Ламанский, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, П. П. Семенов-Тянь-шанский²⁷⁸.

Уже в 1879 г. И. П. Минаев ввел сестер в Майковский салон; Л. Н. Майков стал их попечителем во время путешествия Минаева в Индию (1879—1880)²⁷⁹. С юности и Александра Петровна, и Варвара Петровна увлекались живописью, первая стала профессиональной художницей²⁸⁰.

Архивные материалы рассказывают о дружбе сестер Шнейдер с В. В. Стасовым²⁸¹ и Н. К. Рерихом²⁸², которые, как известно, очень интересовались Индией и ее культурой. Были они хорошо знакомы и с семьей Бекетовых, посещали дом Екатерины Андреевны Бекетовой. Одно из писем рассказывает, что еще в 1905 г. Екатерина Андреевна Бекетова (сестра матери Блока) обращалась к Варваре Петровне Шнейдер с просьбой нарисовать обложку для переведенной ею книги о Данте²⁸³. Сохранилось и письмо Марии Андреевны Бекетовой сестрам Шнейдер, написанное в сентябре 1920 г., т. е. после письма Блока (от 25. III)²⁸⁴.

С семьями Бекетовых и Минаева-Шнейдер был тесно связан Ф. Д. Батюшков — в течение многих лет (с 1895 до своей кончины в марте 1920 г.) он поддерживал с ними дружеские отношения²⁸⁵. Батюшков несколько раз навещал сестер в Луге, где в это же время жила и М. А. Бекетова²⁸⁶. И не случайно Блок упоминал о Батюшкове, который должен был в Луге познакомить М. А. Бекетову с сестрами Шнейдер. Упомянут в письме и С. Ф. Ольденбург — ученик И. П. Минаева, друг сестер Шнейдер и знакомый М. А. Бекетовой с 1880-х годов. У нас нет прямых свидетельств того, что Блок посещал дом И. П. Минаева, но такое предположение вполне возможно: ведь не случайно, что он упоминал о сестрах Шнейдер как о главных интеллигентах в Луге и советовал М. А. Бекетовой поселиться поближе к ним. Блок, очевидно, лично знал сестер Шнейдер, о них ему могли подробно рассказать Батюшков, Ольденбург²⁸⁷ либо Н. К. Рерих²⁸⁸. Существенно, что упоминание об Ольденбурге появляется у Блока в марте 1920 г. О взаимоотношениях поэта и ученого в 1920 г. известно и по архиву Ольденбурга. По свидетельству его жены в начале сентября Ольденбург получил от Блока в подарок книгу «За гранью прошлых лет»²⁸⁹, а в начале ноября Блок прислал Сергею Федоровичу другую свою книгу — «Седое утро»²⁹⁰.

Встречи с С. Ф. Ольденбургом и другими востоковедами во «Всемирной литературе» изменили взгляды поэта на развитие восточной культуры, на роль Востока в историческом процессе. «Вообще доклады академиков-востоковедов Блок ощущал как некое «крушение» привычного европоцентризма в представлениях об искусстве, — пишет Е. Ф. Книпович, — так, в 1920 году, вернувшись с заседания редколлегии «Всемирной литературы» после доклада В. Алексеева²⁹¹, он стал, волнуясь, объяснять мне, что в культурном наследии великих и древних народов Азии, например Индии, Китая, есть, по-видимому, немало поэтов, по силе равных Гомеру»²⁹².

Итак, каким же непростым и долгим был путь, который ясно очертил глубокие различия в отношении к Востоку и его роли в истории человеческой цивилизации раннего Блока и Блока в последний период его творчества. В изменении этой позиции существенную роль сыграли как более глубокое ознакомление с культурой Востока, так и тесное содружество с С. Ф. Ольденбургом, встречи с другими знатоками восточной литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, А. Белый писал: «Он был „западник“, оставаясь при „Скифах“» (наст. том, кн. 3, с. 799).

² Д. М. Магомедова. Блок и античность (к постановке вопроса). — «Вестник МГУ». Серия 9, филология. 1980, № 6; Г. Г. Анпеткова-Шарова, К. Н. Григорьян. Студенческие работы Блока об античных авторах. — «Русская литература», 1980, № 3.

³ Библиотека Блока. Описание, кн. I. Л., 1984, с. 159—160, с. 254—260; Там же, кн. 2. Л., 1985, с. 70; Там же, кн. 3. Л., 1986, с. 243.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1—12. Пользуюсь случаем выразить К. Н. Суворовой признательность за помощь в архивной работе.

⁵ ИРЛИ, ф. 462, № 81 (без даты).

⁶ А. Н. Хохлов. В. П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани. — «История и культура Китая». М., 1874. Уже в Казани А. Н. Бекетов был связан с востоковедами — В. П. Васильевым, О. М. Ковальским — основоположником научного монголоведения в России.

⁷ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. 4. СПб., 1909, с. 187—190; В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета восточных языков. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. 9. М., 1977.

⁸ В. Енишерлов. Семья моей матери. — «Прометей», № 13, М., 1983, с. 270—271.

⁹ ИРЛИ, ф. 340, оп. 2, № 33, л. 10—10 об.

¹⁰ И. П. Минаев. Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г. — «Уч. зап. ист.-филол. ф-та СПб. ун-та», 1876, т. 2, ч. 1 (см.: Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 3, с. 240, № 2118).

¹¹ А. Н. Краснов. От Индии до дебрей китайского захолустья. СПб., 1896; Он же. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия. СПб., 1898; Он же. Индия и Цейлон. СПб., 1900.

¹² А. Н. Краснов. Индия и Цейлон. СПб., 1900, с. 109.

¹³ С юности Блок увлекался «великими учителями» — Тютчевым и Фетом (VII, 29), которым принадлежат стихотворения «Саконтала» — название известной драмы великого древнеиндийского драматурга Калидасы — (на санскрите Шакунтала), но в русской литературе утвердилась традиция писать — Сакунтала или Саконтала. Эти стихотворения были написаны в подражание Гёте или даже являлись своего рода переводами. В библиотеке Блока хранится собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей (1878—1880) с его многочисленными пометками (Библиотека Блока. Описание, Кн. I, с. 226). Составляя свою краткую автобиографию, Блок упоминал Гёте среди тех, кто оказывал на него основные литературные влияния (VII, 432). Об увлечении Гёте «Сакунталой» Блок мог (и должен был) узнать из Гейне, которого он превосходно понимал и переводил. В библиотеке поэта сохранилось Полное собрание сочинений Гейне со многими пометками Блока, в том числе с индийским эпосом (см.: Г. Гейне. Полное собр. сочинений. 2 изд. Под ред. и с биогр. очерком П. Вейнберга. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1904, т. 3, с. 309; подчеркнуто «Висамитра»).

¹⁴ Е. Я. Люстерник. Научные связи Петербургского-Ленинградского университета с Индией (1819—1947). — «Очерки по истории Ленинградского университета», III. Л., 1976, с. 60.

¹⁵ Р. Б. Добротин, Н. Г. Карнило. Библиотека Д. И. Менделеева. Л., 1980.

¹⁶ Свет Азии (The Light of Asia). Поэма Э. Арнольда. СПб., 1890. Имеются многочисленные пометки Менделеева. Его особенно интересовала буддийская трактовка «Я», идея страдания; заслуживает внимания его надпись на полях стр. 170:

«И у Будды все отрицания, Где же полож<ительное> там учение».

¹⁷ Светило Азии, или Великое Отречение. (Mahābhiniṣkramana). Поэма Э. Арнольда. Пер. с англ. СПб., 1891. Имеются пометки Д. И. Менделеева, на обложке его рукой написано:

Пусть смерть пугает робкий люд,
Но нас бояться не принудит,
Пока мы живы — смерти нет,
А смерть придет — так нас не будет.

¹⁸ Научный архив Д. И. Менделеева при ЛГУ. 3-й альбом, док. 69, 70.

¹⁹ Научный архив. 3-й альбом, док. 69, л. 1.

²⁰ Там же, док. 74.

²¹ Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. Л., 1984, с. 241.

²² Литографическое издание его лекций («Грамматика славянских языков в связи с другими индоевропейскими языками». СПб., 1901—1902. Составил студент А. Шиллов) Блок, судя по запискам в седьмой записной книжке, приобрел (ИРЛИ, ф. 654, оп. I, № 327, л. 42). Бодуэн де Куртэнз был заметной фигурой в научной и культурной жизни России начала 20 в.; был близок с такими крупными учеными, как академики В. И. Ламацкий, С. Ф. Ольденбург, хорошо знаком с Н. К. Рерихом. Работами Бодуэна интересовался Лев Толстой.

²³ В годы учебы Блока С. К. Булич руководил созданным по его инициативе экспериментальным фоноетическим кабинетом, возглавлял (после Бодуэна де Куртэнза) Лингвистическое общество. С. К. Булич был автором крупных работ о роли музыки в жизни русских писателей — тема, которая интересовала и Блока (кн. 3, 245).

²⁴ Н. В. Лобанова. Кафедра индийской философии. — «Ученые записки ЛГУ», № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13. Л., 1960, с. 83.

- ²⁵ См.: «Письма к родным». I, с. 93.
- ²⁶ Там же, с. 144.
- ²⁷ А. А. Гро м о в. В студенческие годы.— Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980, т. I, с. 406.
- ²⁸ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 329.
- ²⁹ А. А. Гро м о в. В студенческие годы.— Указ. изд., с. 408.
- ³⁰ См., например: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета на 1904 г. СПб., 1904, с. 57.
- ³¹ В. Ф. М и л л е р, Ф. И. К н а у э р. Руководство к изучению санскрита (тексты, грамматика и словари). СПб., 1891. К работе В. Ф. Миллера «Ассирийские заговоры и русские народные заговоры» («Русская мысль», 1896, июль) Блок обратился в 1906 г. в связи с подготовкой статьи «Поэзия заговоров и заклинаний» (V, 36—65). См.: К. А. К у м п а н. Заметки об источниках «Поэзии заговоров и заклинаний».— Мир Блока («Блоковский сб.», 5). Тарту, 1985.
- ³² Отчет... за 1902 г. СПб., 1903, с. 48—50.
- ³³ См., например: «Правила и программы испытаний в комиссии историко-филологического факультета». СПб., 1899. В «Руководстве» имеются и тексты Калидасы (из «Шакунталы»).
- ³⁴ См. К. А. К у м п а н. Александр Блок — выпускник университета.— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1983, т. 42, № 1, с. 163—174. Пользуясь случаем, приношу К. А. Кумпан признательность за помощь в работе.
- ³⁵ О предстоящем экзамене по санскриту упоминает друг и соученик Блока по университету С. М. Городецкий в письме к Блоку от 4 марта 1906 (наст. том, кн. 2, с. 22).
- ³⁶ К. А. К у м п а н. Александр Блок — выпускник университета.— Указ. изд., с. 167.
- ³⁷ «Наль и Дамаянти». Индийская повесть. Пер. В. А. Жуковского. СПб., 1884.
- ³⁸ Материалы для истории факультета восточных языков, т. 2. СПб., 1906, с. 188.
- ³⁹ 5 (V), 568—576. Книга А. Н. Веселовского с большим числом пометок Блока сохранилась в библиотеке поэта (Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. I, с. 123—130).
- ⁴⁰ «История древней русской литературы». Лекции И. А. Шляпкина СПб., 1891—1892 уч. год (для 3 курса). Литогр. изд., с. 36.
- ⁴¹ К. А. К у м п а н. Александр Блок — выпускник университета.— Указ. изд., с. 170.
- ⁴² М. М ю л л е р. Сравнительная мифология. М., 1863; Всев. М и л л е р. Очерки арийской мифологии. (Парные божества). М., 1874; Д. Н. О в с я н н и к о в - К у л и к о в с к и й. К истории культа огня в эпоху Вед. Одесса, 1887; О н ж е. Культ божества Сомы. Одесса, 1884.
- ⁴³ См.: ЗК., 26; Ольденберг («Будда»).
- ⁴⁴ И. Ш е р р. Иллюстрированная всеобщая история литературы. Пер. под ред. П. Вейнберга. М., 1905. Эта книга с многочисленными пометками Блока сохранилась в его библиотеке. (Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 394—395).
- ⁴⁵ Вот краткий конспект содержания раздела из книги Шерра (с. 50—54): «Индия (здесь и далее разрядка Блока.— Г. Б.-Л.); Главн(ой) основ(ой) драмы — любовь. Комедия (сатира на жрецов). Обширные теории драм(атического) искусства. Нет трагедии, скорее — мелодрама. Драма Судраки (6 в. по Р. Хр.) — „Игрушечная тележка“.
- Судьба играет жизнью человека
-И точно колесо, кружась, объемлет мир.
- Прологи — актеры участв(уют). Качества драмы (Повторение слов Гамлета).— ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 175, л. 82. С этими материалами меня ознакомил А. В. Лавров, которому приношу признательность. Выше имеется в виду драма Шудраки «Глиняная повозка».
- ⁴⁶ Блок особо выделяет общераийские черты в Ведах, знакомится с переводами Макса Мюллера ведийских гимнов (из «Ригведы» и «Атхарваведы»), его интересует сходство ведийских (и шире — индийских) богов с греческими. См.: В. С. С о л о в ь е в. Собр. соч., т. I. СПб., 1901, с. 5 и далее; тщательно Блок прочитал работу Соловьева «Мифологический процесс в древнем языке» (1873).
- ⁴⁷ В. С. С о л о в ь е в. Указ. соч., т. 2 (б. г.), с. 377 и далее (лекция Соловьева «Исторические дела философии»).
- ⁴⁸ Там же, с. 377—378.
- ⁴⁹ Т. 6, с. 261 и далее.
- ⁵⁰ «Бхагавадгита».
- ⁵¹ «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка». М., 1940, с. 39.
- ⁵² Там же, с. 17.
- ⁵³ Вера Владимировна Джонстон была племянницей Е. П. Блаватской, жила в Нью-Йорке, где издавала теософский журнал «QUARTERLY». Муж ее Ч. Джонстон — известный американский писатель, очень увлеклся теософией.
- ⁵⁴ См.: В. В. Д ж о н с т о н. Отрывки из упанишад.— «Вопросы философии и психологии», 186, кн. I, с. 1—34; Она же. Шри-Шанкара-Ачария, мудрец индийский.— Там же, 1897, кн. 6, 1—39; Она же. Очерк Бхагавадгиты.— Там же, 1899, кн. 47 (№ 2), с. 173—213; 1899, кн. 48 (№ 3), с. 352—382. Чтение отрывков из упанишад в переводе В. Джонстон, по словам А. Белого, извратило все бытие» (А. Б е л ы й. На рубеже двух столетий. М.-Л., 1930, с. 352). К статьям Джонстон обращался К. Бальмонт в начале творческого пути.
- ⁵⁵ П. Д е й с с е н. Веданта и Платон в свете Кантовой философии. М., «Мусaget», 1912: Она хранилась в библиотеке Блока (Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. I, с. 257).
- ⁵⁶ В архиве Э. К. Метнера (ГБЛ, ф. 167, карт. 18, ед. хр. 25, 14 л.) сохранились его выписки из ниги Р. Deussen. Geschichte der Philosophie (Bd. 1) и заметки об ее содержании. Любопытные

свидетельства сохранились в письмах А. Белого к Э. К. Метнеру, датированных августом-сентябрем 1909 г. и посвященных организации нового журнала. А. Белый предлагает Э. Метнеру пригласить для сотрудничества ученых-специалистов по философии, литературе и поэзии Востока — среди них — В. Джонстон и С. Ф. Ольденбурга, экспертом по живописи Востока Н. К. Рериха; он планирует специальную статью о Дейссене и перевод его работ (ГБЛ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 6).

⁵⁷ Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 1, с. 32—33.

⁵⁸ П. Дейссен. Указ. соч., с. 13.

⁵⁹ Показательно, что в книге А. Белого «Символизм» А. Блок особо выделил следующие строки: «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и средневековье, — оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам близкие. Мы действительно осязаем что-то новое, но осязаем его в старом; в подавляющем обилии старого — новизна так называемого символизма» (А. Белый. Символизм. М., 1910, с. 50).

⁶⁰ Имеется в виду небольшой по объему очерк Вяч. Иванова «Ты еси» («Золотое руно», 1907, июль — сентябрь, с. 100—102, перепечатано в сб.: «По звездам». М., 1909, с. 425—434).

⁶¹ В тексте Блока, как и у Вяч. Иванова, twam вместо tvam... (такое написание было принято в России).

⁶² Подробнее см.: Вяч. Иванов. Автобиографическое письмо С. А. Венгерову. — «Русская литература XX века» (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. Кн. VIII. Изд-во товарищества «Мир». М., 1917, с. 81—96.

⁶³ Подробнее см.: З. Г. Минц. Переписка с Вл. Пястом. — Наст. том, кн. 2, с. 183—185.

⁶⁴ Вл. Пяст. Нечто о каноне. — «Труды и дни», 1912, № 1, с. 25—35.

⁶⁵ Д. С. Мережковский. Орваси (из Калидасы). Стихотворение. — «Северный вестник», 1886, № 8, отд. 1, с. 152—158; Он же. Будда. — Собрание стихов (1883—1903). М., 1904, с. 86—93.

⁶⁶ См.: З. Г. Минц. А. Блок в полемике с Мережковскими. — «Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики» (Блоковский сб. 4). Тарту, с. 116—221.

⁶⁷ Напечатанное в «Северном вестнике» (1896, № 1) стихотворение «Нирвана» сразу привлекло внимание. Так, в письме к Брюсову (от 11 января 1896 г.) К. Д. Бальмонт писал: «Вы, конечно, знаете потрясающую новость: Мережковский написал стихотворение „И вновь?“» (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6, л. 71). Начало первой строки — «И вновь, как в первый год создания...». О раннем знакомстве Блока с «Нирваной» говорят списки стихотворений Мережковского, сделанные им в конце XIX — начале XX в. Текст помечен среди материалов, озаглавленных Блоком «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. 1898 и позднейшие университетские времена».

⁶⁸ Пользуясь случаем выразить благодарность З. Г. Минц за помощь в истолковании дневниковой записи Блока от 23 декабря 1911 г.

⁶⁹ З. Г. Минц. А. Блок в полемике с Мережковским. — Указ. изд., с. 194.

⁷⁰ Там же, с. 210.

⁷¹ Еще в 1909 г. в статье «Мережковский» Блок писал: «Открыв и перелистав их (последние книги Мережковского. — Г. Б.-Л.), можно прийти в смятение, в ужас, даже — в негодование. „Бог, Бог, Бог, Христос, Христос, Христос“, положительно нет страницы без этих Имен, именно Имен, не с большой, а с огромной буквы написанных» (V, 360).

⁷² См., например: А. Белый. Символизм. Указ. изд.

⁷³ А. Белый. Почему я стал символистом. — Ann Arbor, 1982; Он же. Воспоминания о Штейнере. Р., 1982.

⁷⁴ «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка». Указ. изд., с. 293—295.

⁷⁵ «Свет на пути. Из древнего индийского писания. Книга золотых правил». Перев. с англ. Е. П. Учение о крме, состав. Е. П. М., 1905.

⁷⁶ Имеется в виду одно из теософских изданий, посвященных «Бхагавадгите». Это сочинение привлекало особое внимание теософов, в том числе и Р. Штейнера. В конце 1912 г. — начале 1913 г. он читал курс лекций — «Бхагавад Гита и послание Апостола Павла», несколько месяцев позднее — лекцию «Окультурные основы Бхагавад Гиты» (А. Белый. Проблемы творчества. М., 1988, с. 787).

⁷⁷ Анни Безант (или Бизант) — известная деятельница теософского движения, возглавляла «Теософское общество».

⁷⁸ Ч.-В. Ледбитер — известный английский теософ, секретарь «Теософского общества».

⁷⁹ Г. Р. С. Мид — крупный деятель теософского движения в Англии.

⁸⁰ Р. Штейнер. Путь к посвящению, или Как достигнуть познания высших миров. Пер. с нем. В. Лалетина. Калуга, 1911.

⁸¹ Р. Штейнер. Феософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. Пер. со 2-го нем. изд., испр. и допол. А. Р. Минцловой. СПб., 1910.

⁸² Брахманизм.

⁸³ Кармически, т. е. в силу закона кармы, карма (досл. — дело, поступок), — одно из основных понятий индийской религии и философии. Закон кармы — закон причинно-следственной связи поступков, совершенных живым существом.

⁸⁴ Тайное учение (нем.). Возможно, здесь, намек на теософский труд Е. П. Блаватской — «Тайная доктрина», популярный у символистов; особенно часто к нему обращался Белый.

⁸⁵ Об этом рассказывает М. А. Бекетова в своей рукописи «Мои редакторы и издатели» (автограф, 1932 г.). См.: Отдел Рукописных фондов Государственного литературного музея, фонд 8, ед. хр. 4; О своей дружбе с А. М. Калмыковой С. Ф. Ольденбург говорит в статье, посвященной ее памяти (С. Ф. Ольденбург. Памяти А. М. Калмыковой.—«Красная летопись», 1936, № 3 (18), с. 146—150).

⁸⁶ «Толстой в 1880-е годы. Записки И. М. Ивакина».—«Литературное наследство», т. 69, кн. 2, с. 64.

⁸⁷ У Толстого, 1904—1910. Яснополяские записки Д. П. Маковского, — «Литературное наследство», т. 90, кн. 2, с. 343—353.

⁸⁸ См.: Новый Энциклопедический словарь, т. 29. Пг., 1916, с. 471.

⁸⁹ В апреле 1918 г. на книге «Стихотворения Аполлона Григорьева» (М., изд. К. Ф. Некрасова) А. Блок в Петрограде сделал следующую надпись: «Глубокоуважаемому Сергею Федоровичу Ольденбургу от преданного ему составителя». См. наст. том, кн. 3, с. 110—111.

⁹⁰ Е. Книпович. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987, с. 43.

⁹¹ Эта личная встреча произошла, очевидно, в начале мая, когда Блок приступил к работе в качестве редактора стенографического отчета. 8 мая 1917 г. он записывает: «Дважды в Зимнем дворце... Ольденбург... Надо бы написать разные наблюдения и мысли» (ЗК, 322). О встрече с Ольденбургом поэт впервые сообщает матери тоже 8 мая. См.: «Письма Александра Блока к родным» т. 2. М.-Л., 1932, с. 358.

⁹² М. В. Бабечиков. Отважная красота.—«Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1980, с. 171.

⁹³ Там же, с. 167.

⁹⁴ Там же, с. 168.

⁹⁵ О тесных взаимоотношениях Блока и Ольденбурга может, очевидно, говорить следующий факт. 22 июля 1917 г. Блок записал в своем дневнике: «Миклашевский во время заседания рисовал меня» (VII, 286); речь идет о заседании Чрезвычайной следственной комиссии. В течение многих лет считалось, что этот рисунок Блока утерян (VII, 501). Лишь в августе 1970 г. «Литературная газета» (1970, № 34, 19 августа, с. 7) сообщила о находке портрета в фондах ЦГАОР. Но в этом сообщении не было отмечено, что рисунок М. П. Миклашевского находится среди бумаг С. Ф. Ольденбурга (ЦГАОР, ф. 581, оп. 1, дело № 78, л. 58 и след.). Очевидно, зная о добрых отношениях Блока и Ольденбурга, Миклашевский после заседания (21 июля 1917 г.) Чрезвычайной следственной комиссии передал свой рисунок поэту Ольденбургу. Не исключено, правда, что это мог сделать и Блок, получив свой рисунок.

⁹⁶ Показательна запись в дневнике от 30 июля 1917 г. (VII, 291—292): получив приглашение вступить в члены Лиги русской культуры, поэт присутствие Ольденбурга среди учредителей считал аргументом в пользу своего участия.

⁹⁷ Журнал Министерства народного просвещения, т. 64, 1916, № 8, стд. 2, с. 296—332.

⁹⁸ Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 180.

⁹⁹ С. Ф. Ольденбург. «Не довольно». — «Русская мысль», 1915, кн. I, с. 2.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В учебнике, по которому в университете Блок изучал санскрит, приведен текст из «Шакунталы» («Сакунталы»). Один из авторов учебника — В. Ф. Миллер уже в 1897 г. перевел с санскрита первое действие драмы Калидасы «Викраморваши» — «Мужеством добытая Урваши» («Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1897). Учитель Блока С. К. Буклич написал статью о Калидасе для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1895, т. 27, с. 26—27). О знакомстве Блока с драмами Калидасы говорят и его выписки из книги И. Шерра. Подробнее см.: Г. М. Бонгард-Левин. Калидаса у Александра Блока. — «Советская культура, 70 лет». М., 1987, с. 76—81.

¹⁰² В библиотеке Блока сохранилось 8 работ С. Ф. Ольденбурга (две с дарственными надписями); известно, кроме того, что в библиотеке раньше был также и отчет С. Ф. Ольденбурга о возглавляемой им Первой Туркестанской экспедиции (Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 179—181; кн. 3, с. 244). Статья С. Ф. Ольденбурга помещена и в кн.: «Литература Востока». Сб. ст., вып. 1. Пб., 1919 (Описание, кн. 2, с. 70).

¹⁰³ С. Ф. Ольденбург был учителем и старшим другом В. М. Алексеева, читал корректуру его книги. Подробнее см.: М. Баньковская. В. М. Алексеев и С. Ф. Ольденбург (в высказываниях и характеристиках). — «Начало пути». Восточный альманах, вып. 9. М., 1981, с. 526—527.

¹⁰⁴ Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 3.

¹⁰⁵ О взаимоотношениях Блока и Таирова, о постановке «Сакунталы» подробнее см.: Г. М. Бонгард-Левин. Калидаса у Александра Блока. — Указ. изд.

¹⁰⁶ Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта. М., 1916, с. 10.

¹⁰⁷ Калидаса. Драмы. Ук. изд., с. 24.

¹⁰⁸ У Блока есть стихотворение под названием «Σοφία», в котором утверждается вечная сила мудрости (1,457). Здесь явное влияние «соловьевской софиологии».

¹⁰⁹ Наст. том, кн. 2, с. 389.

¹¹⁰ См.: А. Блок. Собр. соч. в 12 томах, т. 5. Поэмы 1911—1921 гг. Л., 1933, с. 134 (ссылка на это издание специально оговаривается).

¹¹¹ Ю. К. Герасимов. Александр Блок и советский театр первых лет революции. — «Блоковский сб.» 1. Тарту, 1964, с. 340.

¹¹² Этим сообщением я обязан А. В. Лаврову.

¹¹³ Наст. том, кн. 4, с. 241.

¹¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 354, л. 1—1 об.; см. также наст. том, кн. 3, с. 111 (приведено не полностью); письмо частично напечатано в статье В. Г. Воловникова «Поэтому говорю только — большое спасибо» (С. Ф. Ольденбург и А. А. Блок).— Сергей Федорович Ольденбург. Сб. статей. М., 1986, с. 115.

¹¹⁵ А. Блок. Собр. соч. в 12 томах, т. 5. Л., 1933, с. 129.

¹¹⁶ П. С. Тагер — сотрудник бывшей Чрезвычайной следственной комиссии.

¹¹⁷ Псевдоним писателя М. П. Миклашевского — одного из редакторов стенографических отчетов ЧСК.

¹¹⁸ «Последние дни императорской власти».

¹¹⁹ С. Ф. Ольденбург. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (образ тибетского письма). С 6 табл. и 25 рис. в тексте. Из второго тома «Материалы по этнографии России». СПб., Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914, с. 79 (Библиотека А. Блока. Описание, кн. 2, с. 180).

¹²⁰ Дата на статье об иконографии точно устанавливает время ее преподнесения Ольденбургу Блоком; все остальные работы, изданные до апреля 1918 г., не имеют дарственных надписей, и ряд из них также вполне мог быть передан в дар поэту в это время, тем более что Блок посетил Академию наук.

¹²¹ Стенограммы допросов, которые проводились Чрезвычайной следственной комиссией.

¹²² А. А. Григорьев. Стихотворения. Собрал и примеч. снабдил А. Блок, М., Изд-во К. Ф. Некрасова, 1916.

¹²³ С. А. Рыжкова (1874—1942) — одна из ближайших помощников Ольденбурга. Со времени назначения Ольденбурга Непременным секретарем и вплоть до 1909 г. была делопроизводителем канцелярии АН, затем с 1909 по 1923 г. — заведующей делопроизводством Конференции АН, позднее работала в комиссии «Наука и научные работники СССР» и в Комиссии по изучению племенного состава населения СССР, с 1925 г. — в библиотеке АН СССР; умерла в период блокады Ленинграда (см.: ААН СССР, ф. 158, оп. 7, № 701).

¹²⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 390, л. 1—2. ЗК, 398—399 («В Академии наук. В первой части моей статьи, говорит С. Ф. Ольденбург, надо коснуться нескольких слов, нарушающих общий летописный фон»).

¹²⁵ ЗК, 399 (запись от 12.4: «С. Ф. Ольденбург прислал мне свое стихотворение в прозе по поводу „Двенадцати“»).

¹²⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 354, л. 3—4.

¹²⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 1390, л. 3—4.

¹²⁸ Эти слова З. Гиппиус были созвучны оценке «Двенадцати», данной уже в первом письме Ольденбурга к Блоку. Эта мысль была повторена Ольденбургом в некрологе на смерть поэта — «Не может сердце жить покоем» («Начала», 1921, № 1, с. 13). Однако, давая эти строки З. Гиппиус в качестве эпиграфа к своему стихотворению («по поводу „Двенадцати“»), Ольденбург уже в начале апреля не мог не знать о сложных взаимоотношениях Блока с «безумной горячкой», которая резко осуждала политическую позицию поэта.

¹²⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 354, л. 3—4.

¹³⁰ ЗК, 400. Речь шла о статье «Последние дни императорской власти», которая в журнале «Наш путь» опубликована не была. Обращение Р. В. Иванова-Разумника к Ольденбургу с разрешением напечатать статью Блока объясняется, очевидно, тем, что она писалась под руководством и при содействии Ольденбурга и основывалась на стенографических отчетах ЧСК. Н. К. Муравьев — адвокат, председатель ЧСК.

¹³¹ Р. В. Иванов-Разумник. Испытание в грозе и буре («Двенадцать» и «Скифы» А. Блока). — «Вершины». Петроград, Изд-во «Колос», 1923.

¹³² «Скифы», сб. 1. Пг., 1917; сб. 2, 1918. Сборники имелись в библиотеке Блока с некоторыми его пометками (Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 235).

¹³³ Р. В. Иванов-Разумник. «Вершины», с. 198.

¹³⁴ Там же, с. 224.

¹³⁵ А. Блок. Собр. соч. в 12 томах, т. 5, с. 135 (в первой редакции было: «Да, жулики, да, азиаты — мы»).

¹³⁶ Там же, с. 21.

¹³⁷ Как заглавие сборника? Или как «Скиф» Иванова-Разумника. Так он подписал свою статью «Человек и культура» (Дорожные мысли и впечатления). — «Заветы», 1912, № 6, отд. 2, с. 68. Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником. — См. наст. том, кн. 2, с. 376. На указанный выше момент не обращалось внимания; показательно, что стоящие рядом «Азиаты» — с прописной. Нет ли здесь особого смысла?

¹³⁸ А. Блок. Собр. соч. в 12 томах, т. 5, с. 135.

¹³⁹ Р. В. Иванов-Разумник. «Вершины», с. 224. С этой оценкой был согласен и сам Блок. (См. там же).

¹⁴⁰ Редакция сборника переименовала брюсовские «Скифы» в «Древние скифы», ибо они не соответствовали духу сборника и замыслам его создателей.

¹⁴¹ Запись Блока от 14 апреля: «Издавать „Двенадцать“ и „Скифы“ вместе со статьей Иванова-Разумника» (ЗК, 400).

¹⁴² Влияние Вл. Соловьева в «Скифах» безусловно прослеживается, но отметим, что эпиграф:

Панмонголизм! Хотя имя дико,
Но мне ласкает слух оно

(Владимир Соловьев)

появился не сразу, а лишь, когда «Скифы» были изданы вторично (в журнале «Новый путь»). Л. К. Долгополов и О. В. Миллер полагают, что Блок вставил слова Соловьева после того, как прочитал статью Иванова-Разумника «Испытание в грозе и бури», где блоковские «Скифы» сравнивались со стихотворением «Панмонголизм» (см.: Л. К. Долгополов, О. В. Миллер. «Имя» или «слово». — «Русская литература», 1980, № 3).

¹⁴³ «Вершины», с. 187.

¹⁴⁴ ЗК, 387. Первоначально было: «Европа и Азия» (А. Блок. Собр. соч. в 12 томах, т. 5, с. 144).

¹⁴⁵ Большой интерес представляет сравнение «Скифов» с дневниковой записью от 11 января 1918 г. и письмом матери от 2 мая 1917 г.

¹⁴⁶ «Вершины», с. 224.

¹⁴⁷ Эти мысли перекликаются с более ранними записями (14.11.1911 г.): «Так и мы: позевываем над желтой опасностью... Неудержимо и стремительно пурпурная кровь арийцев становится желтой кровью... Остается маленький последний акт: внешний захват Европы... Ловкая куколка-японец положит дружелюбно крепкую ручку на плечо арийца, глянет „живыми, черными, любопытными“ глазками в оловянные глаза бывшего арийца... Надо найти в арийской культуре взор, который бы смог бестрепетно и спокойно (торжественно) взглянуть в „любопытный, черный и пристальный и голый“ взгляд» (VII, 89). Ср. запись от 11 января 1918 г. об арийцах, «последних» и т. д. (акцент явно иной).

¹⁴⁸ Д. Благый. От Кантемира до наших дней. М., 1972, с. 528.

¹⁴⁹ Наст. том, кн. 2, с. 380.

¹⁵⁰ ЗК, 116. Особенно известны его «Древности Геродотовой Скифии», вып. I—II. СПб., 1872: История русской жизни в древние времена, т. 1. М., 1908.

¹⁵¹ Подробнее см.: С. А. Семенов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. Ук. изд.

¹⁵² См.: А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. — «Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества», 1887, т. IV.

¹⁵³ «Трудно еще сказать, — писал он, — к какой ветви арийских народов они действительно принадлежат» (там же, с. 361).

¹⁵⁴ ЛГИА, д. 14, оп. 3, ед. хр. 16080, л. 2.

¹⁵⁵ Наст. том, кн. 2, с. 367.

¹⁵⁶ С. Ф. Ольденбург. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. — «Русский исторический журнал», 1920, кн. 6, с. 164—180.

¹⁵⁷ ЗК, 25. В библиотеке поэта сохранился перевод Фукидида, выполненный Ф. Мищенко (Библиотека А. Блока. Описание, кн. 2, с. 362). Мищенко являлся автором статьи «Скифы» для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. 30 (59). СПб., 1900).

¹⁵⁸ См.: С. Ф. Ольденбург, С. Платонов, И. Крачковский. Записка об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна. — «Известия Академии наук СССР», сер. VI, т. 21, № 18, 1927, с. 1517—1520.

¹⁵⁹ Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, I. Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», 1899, т. 64, № 12.

¹⁶⁰ Подробнее см.: А. А. Нейхардт. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982, с. 55—56.

¹⁶¹ См.: К. А. Кумпан. А. Блок — выпускник университета. Указ. соч. Из ранних работ Соболевского по скифам см.: «Русские местные названия и язык скифов и сарматов». — «Русский филологический вестник», 1910, т. 64, № 3—4. Правда, основные работы Соболевского по скифской тематике относятся к началу 20-х годов (например: «Русско-скифские этюды». — «Известия Отделения русского яз. и словесности Российской Академии наук, 1921, т. 26; 1922, т. 27).

¹⁶² Ростовцев был профессором Петербургского ун-та, затем академиком, в 1918 г. эмигрировал. Из работ по скифологии, написанных еще при жизни Блока, отметим: «Боспорское царство и южнорусские курганы». — «Труды I Всероссийского съезда преподавателей древних языков», 1912 (то же: «Вестник Европы», 1912, № VI); «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре». — «Известия Археологической комиссии», 1913, вып. 49; «Эллинизм и иранство на юге России». Пг., 1918.

¹⁶³ В библиотеке Блока сохранилась книга под редакцией М. И. Ростовцева (Б. Н. и з. е. Очерк римской истории и источниковедения. Пер. с нем. под ред. Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева. СПб., 1899). О встрече с Ростовцевым в октябре 1911 г. Блок сообщает в дневнике (VII, 76; см. ЗК, 210, 212).

¹⁶⁴ См.: ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 16080, л. 2; ед. хр. 16082, л. 1 об.; см. также: К. А. Кумпан. А. Блок — выпускник университета. Указ. соч. В 1905 г. в период деканства Брауна Жебелев был секретарем факультета.

¹⁶⁵ См., например: Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М., 1984; Д. С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977; Он же. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

¹⁶⁶ О. Шрадер. Индоевропейцы. СПб., издание П. П. Сойкина, 1913.

¹⁶⁷ Там же, с. 15.

¹⁶⁸ Памяти Александра Блока, 1880—1980. Л., 1980, с. 49.

¹⁶⁹ «Вершины», с. 241.

- ¹⁷⁰ Там же, с. 224.
- ¹⁷¹ «Скифы», сб. I. Пг., 1917, с. 10.
- ¹⁷² Там же, с. 11.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ «Скифы», сб. II, 1918, с. 224.
- ¹⁷⁵ Там же, с. 230.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ «Скифы», сб. I, с. VIII.
- ¹⁷⁸ Подробнее см.: А. А. Нейхардт. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Указ. изд., раздел 2, гл. I.
- ¹⁷⁹ «Скифы», сб. I, с. 104.
- ¹⁸⁰ Там же, с. 106.
- ¹⁸¹ Там же, с. 197.
- ¹⁸² «Скифы», сб. II, с. 8.
- ¹⁸³ Там же, с. 11.
- ¹⁸⁴ Там же, с. 10.
- ¹⁸⁵ С. Ф. Ольденбург. Не может сердце жить покоем. (Памяти Блока).— «Начала». Журнал истории литературы и истории общественности. Пг., 1921, № 1, с. 12.
- ¹⁸⁶ В. И. Ламанский. Три мира Азиатско-Европейского материка. СПб., 1982, с. 3.
- ¹⁸⁷ Там же, с. 76, 107.
- ¹⁸⁸ Там же, с. 47.
- ¹⁸⁹ Там же, с. 42.
- ¹⁹⁰ Там же, с. 41.
- ¹⁹¹ К. Д. Бальмонт. Слово о Калидасе.— Избранное. М., 1980, с. 574.
- ¹⁹² Проблемы индоевропеистики занимались учителя Блока — Бодуэн де Куртенэ и Булич. В конце XIX в. подвергался критике предлагаемый Бодуэном термин «арио-европейские языки» для характеристики индоевропейских языков. В 1894 г. для Энциклопедического словаря Булич написал статью «Индоевропейские или индогерманские языки», в которой справедливо отметил, что «в настоящее время под арийцами принято разумеать представителей арийской или индоиранской ветви индоевропейского семейства языков» (см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1894, т. 25, с. 159).
- ¹⁹³ Под «ариями» («арийцами») нередко понимались индоевропейские по языку народы в целом; особенно это характерно для французской школы языкознания и истории; в германской науке, где утвердился термин индогерманские языки (как аналог индоевропейским), иногда арийцами считали представителей германской группы (особенно это стало модным в 30-е годы), что с научной точки зрения абсолютно не обосновано.
- ¹⁹⁴ А. Белый. Речь на вечере памяти Блока.— Наст. том, кн. 4, с. 764.
- ¹⁹⁵ «Исторический архив», 1958, № 2, с. 75.
- ¹⁹⁶ «Правда», 1928, 29 марта. Ср.: ЦГАЛИ, ф. 140, оп. 1, ед. хр. 120, л. 11.
- ¹⁹⁷ «М. Горький в воспоминаниях современников». М., 1956, с. 568.
- ¹⁹⁸ «Литература Востока». Сб. ст. Пг., 1919, Приложение.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ См.: М. Баньковская. В. М. Алексеев и С. Ф. Ольденбург.— «Начало пути». Восточный альманах, 1981.
- ²⁰¹ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 149 (план серии театральных картин).
- ²⁰² Е. Книпович. Об Александре Блоке. Указ. изд., с. 42—43.
- ²⁰³ Там же, с. 43.
- ²⁰⁴ «Литература Востока». Сб. I. Указ. изд., с. 6.
- ²⁰⁵ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979, с. 204.
- ²⁰⁶ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 149, л. 169 (рукой Блока проставлена дата — 1921).
- ²⁰⁷ На полях стр. 10 надпись поэта: «Веды — 4 — 3000 л. до Р. Хр.» (в тексте Ольденбурга несколько иначе: «Веды, начало возникновения которых мы можем отнести ко времени на три, а может быть, и более тысячелетий до Р. Хр.»). Приведенная академиком, а вслед за ним и поэтом дата, модная в то время, сейчас справедливо оспаривается большинством специалистов. Сейчас обычно принимается иная дата — конец II тыс. до н. э.
- ²⁰⁸ Блок выделяет ведийские «гимны богам, сопроводители жертвоприношения, молитвы, заклинания», брахманы и упанишады (с. 10—11).
- ²⁰⁹ На полях с. 12 написано — «Махабхарата и Рамайна».
- ²¹⁰ На поле с. 18 написано — «Калидаса», к творчеству которого поэт обращался уже и раньше; в тексте подчеркнуто: «Гёте, который посвятил „Саунтале“ восторженные стихи». В этой своей статье Ольденбург дал глубокую оценку творчества Калидасы, объяснял специфику восприятия его драм человеком Запада. Приведем одно из самых ярких мест, с которым познакомился при чтении статьи Блок: «Многое, конечно, в этих первых восторгах объясняется неожиданностью найти в стране, которую горделивые европейцы склонны были считать дикой, такие памятники литературы, и, действительно, мы видим, что теперь через столетие даже специалисты нередко отошли от этой высокой оценки поэта и склонны уже видеть в Калидасе и его произведениях отсутствие действия, силы и глубины. Но, думаем, нам, этим специалистам следовало бы вдуматься в то, что захватило такие умы, как Гёте, Гердер, Гумбольдт, таких людей, как братья Шлегели, таких философов, как Шопенгауэр; им следовало бы не увлекаться чрезмерно своей западной точкой зрения, проникнуть глубже в индийский душевный мир, и тогда Калидаса и его драмы и поэмы откроют им многое, теперь для них

недоступное: способность чувствовать и переживать то, что кажется таким неуловимым и как будто простым и даже, может быть, бледным, скучным и обыденным — бездейственным» (с. 18).

²¹¹ Блок подчеркнул, в частности, слова Ольденбурга о наличии в ведах зачатков драм (с. 11), о обоснованности теории греческого происхождения индийской драмы (с. 15); на полях с. 16 написал: «Теории поэзии»; подчеркнул имя полумифического Бхараты — творца теории драмы (с. 16).

²¹² Поэт особо выделил слова Ольденбурга о времени появления буддизма и написал на полях с. 13 — «VI в. до Р. ХР. буддизм»; подчеркнул имена главных богов индуистского пантеона — Вишну и Шива (с. 14).

²¹³ Он подчеркнул — «праkritов» — «природных, народных» (с. 8) и отчеркнул следующие строки (с. 17): «Поэты эпохи расцвета широко воспользовались этим и ввели пракриты в обиход драмы, а в значительной мере и лирику и в повествовательную прозу».

²¹⁴ Блок отчеркнул строки, дающие характеристику кастам (с. 10): «касты объединяют людей на почве сперва, главным образом, племенной, потом религиозной и социально-экономической. И это явление, разрастаясь и изменяясь, хранит незабываемыми свои основные черты, освященные тысячелетиями».

²¹⁵ С. 15. На полях Блок вынес даты жизни Ашвагхоши: «I в. по Р. Хр. Ашвагоса».

²¹⁶ «Индийская литература», с. 14.

²¹⁷ «Жизнь Будды Индийского Учителя жизни». Лекция академика С. Ф. Ольденбурга, читанная при открытии Выставки 24 августа 1919. Петербург, 1919. Кроме Ольденбурга, на выставке с лекциями выступили Ф. И. Щербатский («Философское учение буддизма»), Б. Я. Владимирцов («Буддизм в Тибете и Монголии») и О. О. Розенберг («О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке»).

²¹⁸ Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 179.

²¹⁹ С. Ф. О л ь д е н б у р г. Первая буддийская выставка в Петербурге. Очерк. — Пб., изд. отд. по делам музеев и охране памятников искусства и старины, 1919.

²²⁰ Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 180.

²²¹ С. Ф. О л ь д е н б у р г. Первая буддийская выставка в Петербурге: Очерк, с. 3.

²²² Там же, с. 4.

²²³ «Петроградская правда» 1919, № 179, 10 августа, с. 3 («Хроника»): «Выставка по буддизму. Русский музей (бывший музей Александра III) заканчивает устройство постоянной выставки музея по буддизму. Устроителем этой выставки является знаток Востока академик Ольденбург. На выставке будут сосредоточены все вывезенные из Тибета предметы буддийской религии, а также буддийской культуры».

²²⁴ Подробнее см.: Л. В. К о р о т к и н а. Рерих в Петербурге-Петрограде. Л., 1985, с. 144—147.

²²⁵ Жизнь и учение Сиддхты Сотамы, прозванного Буддой (совершеннейшим). С приложением извлечений из буддийских писаний. Составил А. А. Буланже. Под редакцией Л. Н. Толстого. М. «Посредник», 1913; см.: Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 3, с. 213.

²²⁶ Жизнь Будды Индийского Учителя Жизни. Указ. изд., с. 27—28; Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 2, с. 179.

²²⁷ См., например: С. Ф. О л ь д е н б у р г. В какой мере учение Будды проникнуто пессимизмом? — «Начало», 1899, № 1—2, с. 88—89; Он же. Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом? — Отчет Императорского Петербургского университета за 1898 г. СПб., 1899, с. 135—149.

²²⁸ Письмо хранится в архиве А. М. Горького (Рукописный Отдел Института мировой литературы, КГ — Уг. 8—27); частично было опубликовано Н. А. Вишневской в ее статье «Индологические книги в личной библиотеке М. Горького». — М. Горький и литература зарубежного Востока. Сб. М., 1968, с. 305.

²²⁹ Р. К и п л и н г. Чудо Пуран Багата. Пг., 1922. Эта книга хранится в библиотеке Горького. См.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание, кн. 1; М., 1981, с. 126, № 1991.

²³⁰ С. Ф. О л ь д е н б у р г. Не может сердце жить покоем. Указ. изд., с. 10.

²³¹ Там же, с. 12.

²³² Там же, с. 14.

²³³ Там же.

²³⁴ Наст. том, кн. 2, с. 379—380.

²³⁵ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 364, л. 6. Частично опубликовано в наст. томе, кн. 3, с. 110 (ошибочно отнесено к 1918 г. и связывается со стихотворением в прозе Ольденбурга «Мертвые») и в статье В. Г. Воловникова «Поэтому говорю только — большое спасибо» (С. Ф. Ольденбург и А. А. Блок) — «Сергей Федорович Ольденбург», с. 117 (здесь приведен более подробный текст, во все же неполностью, и к тому же одно слово не разобрано).

²³⁶ Блок подарил Ольденбургу одно из изданий, вышедших в 1918 г. (о присылке экземпляра Ольденбург просил поэта, как уже указывалось, еще в письме от 12 марта 1918 г.).

²³⁷ Николай Константинович Муравьев (1870—1936) — юрист. Председатель Чрезвычайной следственной комиссии. В письме (на листе дата — 16.3) содержалась просьба к Блоку принять участие в концерте, устраиваемом Комитетом Красного Креста. На листе — пометка рукой Блока: «отв(етил) 26.3» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 364, л. 6), что подтверждается записью от 26.3.1919 г. в «Записных книжках». — «Письмо Муравьеву» (ЗК, с. 454).

²³⁸ Впервые было напечатано в XI томе (12-томного Соб. соч.) под названием «Гейне в России. О русских переводах стихотворений Гейне».

²³⁹ Наст. том, кн. 2, с. 246 (из дневника К. И. Чуковского).

²⁴⁰ О полемике Блока и Волынского см.: А. Гизетти. От книг к человеку.—Памяти А. А. Волынского. Л., 1928, с. 79—80.

²⁴¹ В одном из писем Ф. Д. Батюшков 20 апреля 1919 г. писал: «А. А. Блок выступил с тезисом, что «атигуаниззм» есть лозунг дня. Горький приветствовал этот лозунг. Вяч. Иванов написал статью «О кризисе гуманизма». На ту же тему антигуманизма высказались Иванов-Разумник и Андрей Белый» (ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 29, л. 193). О впечатлении Замятина по поводу доклада см.: Е. З а м я т и н. Александр Блок.—«Памяти Александра Блока». Указ. изд., с. 80—81.

²⁴² ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 250, л. 41.

²⁴³ Доклад в виде статьи «Крушение гуманизма» впервые был напечатан в журнале «Знамя» (№ 7—8). Подробнее см. VI, 512—513.

²⁴⁴ М. Г о р ь к и й. Литературные портреты. М., 1963, с. 369.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ И в а н о в - Р а з у м н и к. Вершины. Указ. изд., с. 227—228. По словам Иванова-Разумника, «возражения Горького были неожиданны и элементарны» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 3, № 42, с. 21).

²⁴⁷ Наст. том, кн. 2, с. 380.

²⁴⁸ ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 8. 23.11. Доклад Иванова-Разумника «Эллин и скиф», его же доклад (1/2.1920) «Скиф в Европе». В программе лекций упомянута лекция известного индолога М. И. Тубянского «Душа Азии» Рабиндраната Тагора» (22.10.1922)—ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 8, л. 1—48.

²⁴⁹ «Ругает сборники „Скифов“» (V, 513). Речь идет о полемике в декабре 1919 г.

²⁵⁰ Этим числом помечена первая дата, поставленная поэтом на черновом автографе доклада (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 302; см. также VI, с. 150). На бумажной обложке написано карандашом: «27 декабря—январь 1921», в конце черновика дата: «27.12.1919» (зачеркнуто чернилами) (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 302).

²⁵¹ Поэт продолжал работать над ответом. К печати, как известно, текст был подготовлен лишь в январе 1921 г. Этим временем помечена вторая дата на рукописи (на обложке две даты). Первые издана в журнале «Жизнь искусства» (1923, № 31) вместе с выступлением Волынского и его ответом на возражения поэта.

²⁵² Основные мысли были записаны Блоком (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 302, л. 14 об.; автограф карандашом). Ответ А. Л. Волынского Блоку помечен 27.12.1919 г. Ответ, написанный и опубликованный уже после смерти поэта, и по содержанию, и по стилю не корректен, хотя и завершается словами глубокого уважения к поэту («Жизнь искусства», № 31, с. 13—14).

²⁵³ А. В о л ы н с к и й. Разрыв с христианством.—«Жизнь искусства», 1923, № 31, с. 10.

²⁵⁴ Судя по черновику, в варианте 1919 г. было «чисто-арийской базы», но затем (тем же почерком, что и подпись—Александр Блок) исправлено на «основы» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 302, с. 6).

²⁵⁵ Раньше был несколько иной текст: «... чисто-арийской базы (сверху исправлено «основы») христианства, этапы которой суть...» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 302, л. 14 об.). Термин «арийская раса» с научной точки зрения ошибочен, но им нередко пользовались, особенно в популярной литературе (ср.: А. Белый в сб. «Памяти Блока»—ук. изд., с. 49). Ф. Д. Батюшков, судя по записи Блока, говорил не о иудейской, а славянской черте (в противоположность Волынскому). Подчеркивая именно славянскую черту, Батюшков, очевидно, солидаризировался с тезисом Блока об арийской основе как одной из основ христианства (к этому времени идея об отнесении славян к арийской, иначе говоря индоевропейской языковой семье уже давно и прочно вошла в обиход отечественной науки).

²⁵⁶ Ср., например, своего рода переключку с идеями Дейссена: «Мы сопоставили три самых блестящих явления философии—Веданту, Платона и Канта... Мы достигли той точки внутреннего единства, из которого вытекли воззрения индийских, греческих и немецких мыслителей, и это их внутреннее согласие, при всем внешнем различии, служит немалым ручательством того, что мы во всех трех слышим голос единой и согласной в себе природы, что мы слышим в них голос вечной истины» (Дейссен, Веданта и Платон. Указ. изд.).

²⁵⁷ Вяч. Вс. И в а н о в. Темы и стили Востока в поэзии Запада.—Восточные мотивы. М., 1985, с. 439.

²⁵⁸ Обе книги имелись в библиотеке Блока.

²⁵⁹ Вяч. Вс. И в а н о в. Темы и стили Востока..., с. 440.

²⁶⁰ ЗК, с. 484; наст. том, кн. 2, с. 249.

²⁶¹ А. Б л о к. Собр. соч. в 12 томах, т. 4, Л., 1932, с. 235.

²⁶² Наст. том, кн. 2, с. 379—380.

²⁶³ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Петербург, 1922, с. 280 (текст книги с исправлениями автора см.: ИРЛИ, ф. 462, № 9).

²⁶⁴ ЗК, с. 486 («некочливое» заседание «Всемирной литературы»).

²⁶⁵ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 354, л. 3—4. См.: Г. М. Б о н г а р д - Л е в и н. Друг, посмотри.—Древнейшие государства на территории СССР. М., 1987, с. 215—226.

²⁶⁶ Наст. том, кн. 3, с. 111.

²⁶⁷ См. I, 7.

²⁶⁸ Участники заседаний не раз обменивались шутливыми записками, забавными стихами. Писал пародии, участвовал в «Чукоккале» и Блок (см. наст. том. кн. 2, с. 251). 20 января 1920 г., т. е. в тот же день, что и Ольденбург, передал Блоку стихотворную шуточную записку Н. О. Лернер (известный пушкенист, литератор). См.: наст. том, кн. 3, с. 98.

²⁶⁹ Наст. том, кн. 2, с. 257.

²⁷⁰ «Из всех впечатлений от поездки в Россию это было, пожалуй, одно из самых необычных — там, среди истрадававших, изможденных людей; я встретил некоторых выдающихся представителей русской науки. Я увидел востоковеда Ольденбурга, геолога Карпинского, нобелевского лауреата Павлова, а также Радлова, Белопольского и других ученых с мировым именем... Просто поразительно, как они вообще могут работать? И тем не менее работа успешно продвигается... Дух науки воистину поразителен... Они жаждут получить лишь научную литературу; знания для них превыше хлеба». — (Герберт Уэллс. Россия во мгле. Сб. пер. с англ., 1970).

²⁷¹ Наст. том., кн. 2, с. 251. Академик А. Е. Ферсман и проф. А. П. Пинкевич были приглашены Горьким для помощи в организации при «Всемирной литературе» отдела книг по естественным наукам.

²⁷² О. А. Мазурова (дев. фамилия — Желебужская) — близкий друг семьи Бекетовых, особенно М. А. Бекетовой, с которой училась в гимназии.

²⁷³ Анна Ивановна Шалгунова.

²⁷⁴ «Письма к родным». II, с. 405.

²⁷⁵ Там же, с. 404—405.

²⁷⁶ Библиотека А. А. Блока. Описание, кн. 3, с. 240.

²⁷⁷ Весь архив И. П. Минаева хранился у сестер Шнейдер до 1929 г., когда Академия наук приобрела его у Александры Петровны. Подробнее см.: Д. Е. Бертельс. Личный фонд И. П. Минаева. — Иван Павлович Минаев. М., 1967, с. 115—122. По свидетельству А. П. Шнейдер, «ученики и коллеги-профессора нашего дяди — С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатский, В. Н. Ламанской, бар. Розен и др. после его кончины окружили нас прочным кольцом» (ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 14736, л. 61).

²⁷⁸ Подробнее см.: ЦГАЛИ, ф. 909, оп. 1; ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 5; Там же, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 10, л. 25.

²⁷⁹ ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 14736, л. 25.

²⁸⁰ В 1916 г. на заседании в Академии художеств Вл. Маковский представил А. П. Шнейдер в академике живописи.

²⁸¹ Они познакомились со Стасовым еще при жизни И. П. Минаева; индолог и искусствовед дружили друг с другом; «работая над эволюцией орнамента, он (Стасов) постоянно с ним советовался, выясняя религиозное значение священного дерева, алтаря, колеса и других эмблем и происхождение многих мотивов из Индии» (В. П. Шнейдер. О Владимире Васильевиче Стасове. — ЦГАЛИ, ф. 909, оп. 1, ед. хр. 12, л. 1). По словам А. П. Шнейдер, после смерти Минаева к ним «приходил иногда и Владимир Васильевич Стасов, он очень ценил знания сестры в орнаменте и подарил ей с афтографом свое издание» (ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 14736, л. 76).

Письма В. В. Стасова к В. П. Шнейдер см.: ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 122 и В. П. Шнейдер к В. В. Стасову (ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, ед. хр. 89); об интересе Стасова к индийской культуре, о его знакомстве с С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским см.: ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, ед. хр. 50, л. 5—6; в письме к И. П. Минаеву (14.12.1871 г.) В. В. Стасов просил у индолога консультации по орнаменталистике и отмечал важность буддийских эмблем. «...Для русской национальной орнаменталистики они имеют громадное значение, и только все более и более укрепляют меня в убеждении о громадном буддийском влиянии на Древнюю Русь» (Архив ЛО ИВ АН СССР, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 26).

²⁸² Запись Н. К. Рериха (31 мая 1900 г.) в альбоме-вопроснике сестер Шнейдер (ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 10). Н. К. Рерих в дом сестер Шнейдер направил В. В. Стасов, в 1909 г. Н. К. Рерих предложил А. П. Шнейдер устроить первую персональную выставку в Обществе поощрения художников (ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 14736, л. 135). Письма Н. К. Рериха (1899—1911) к В. П. Шнейдер (ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 108; вместе с Н. К. Рерихом В. П. Шнейдер писала этюды в долине Рейна). На квартире сестер Шнейдер собирался Комитет по содействию строительству в Петербурге буддийского храма — в Комитет входили Н. К. Рерих, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатский, В. В. Радлов (см.: П. Беликов, В. Князев. Рерих. М., 1972, с. 127; Л. В. Короткина. Рерих в Петербурге — Петрограде. Л., 1985, с. 145).

²⁸³ ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 33, л. 1.

²⁸⁴ Там же, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 34. М. А. Бекетова спрашивала Варвару Петровну о возможности напечатать свою книгу и просила ей сообщить имена живущих в Луге поэтов, которые издавали там свои произведения.

²⁸⁵ В архиве Шнейдер сохранилось много писем Ф. Д. Батюшкова (1895—1919 гг.). См.: ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 29—30. Судьба Батюшкова переплелась с семьей Бекетовых. Он часто посещал дом А. Н. Бекетова, просил руки его дочери Александры — будущей матери А. Блока, но получил отказ; затем ухаживал за Екатериной, но и этот брак не состоялся. На всю жизнь он сохранил добрые чувства к Бекетовым, включая и А. Блока (подробнее: Е. Н. Батюшков. Биографический очерк о Ф. Д. Батюшкове. — ГПБ, ф. 51, ед. хр. 36).

²⁸⁶ Последний раз Батюшков приезжал в Лугу к сестрам Шнейдер осенью 1919 г. и советовал Варваре Петровне написать мемуары (ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 5, л. 20). В январе 1920 г. после

смерти. Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттук А. Блок с женой переехал в квартиру матери; после отъезда сына в Москву (в начале мая) мать поэта уехала в Лугу к сестре М. А. Бекетовой.

²⁸⁷ О дружбе Ольденбурга и Батюшкова говорят их письма друг к другу, письма Батюшкова к Шнейдер (Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 36; ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 32). Ольденбург через Батюшкова передавал сестрам приветы, Батюшков подробно рассказывал сестрам об Ольденбурге и работе во «Всемирной литературе», в том числе и о докладе Блока о крушении гуманизма. Судя по письмам Батюшкова, сестры лично писали Ольденбургу и сообщали о своем приезде из Луги в Петербург.

²⁸⁸ Тема «Рерих и Блок» представляет специальный интерес (см.: Л. В. Короткина. Рерих в Петербурге-Петрограде).

²⁸⁹ Архив АН СССР, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 48, с. 17 об.

²⁹⁰ Там же, с. 19. Осенью 1920 г. Ольденбург по просьбе Г. Блока, работавшего тогда в издательстве «Всемирная литература», познакомил его с поэтом (Г. Блок. Из очерка «Герои „Возмездия“». — «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1, М., 1980, с. 99).

²⁹¹ 22 октября 1920 г. в дневнике Блока значится запись: «Статья В. М. Алексеева о китайской литературе. Новые горизонты и простор для новых обобщений. Связь ее со „Всемирной литературой“ и с тем, что есть в акмеизме» (т. VII, с. 372). 24/10.1920 г. в «Записных книжках» поэт записал: «В. М. Алексеев о Китае» (ЗК, с. 479).

²⁹² Е. Книпович. Об Александре Блоке. Указ. изд., с. 43.